

ПЕЛЕВИНА КАТЕРИНА

ДЕРЗКИЕ

Будешь моей

Пелевина Катерина

Дерзкие. Будешь моей

«Литнет»

2024

Катерина П.

Дерзкие. Будешь моей / П. Катерина — «Литнет», 2024

Уже месяц как у нас с ним разные жизни. Я уехала во Владивосток, а Глеб женится на другой в угоду своему отцу. Думает, что я предала его, думает, что никогда ничего не чувствовала и просто играла, чтобы доносить информацию их врагу, но на самом деле меня просто жестоко подставили двое людей, что до этого в сговоре уничтожили внутренний мир родного брата Глеба – Руслана, убив его любимую и нерожденного сына... Но моя правда никому не оказалась нужна. И сейчас, когда я вынуждена вернуться в Москву в университет, чтобы забрать документы и перевестись в другой ВУЗ, я не знаю, как смогу смотреть Глебу в глаза. Особенно учитывая то, что у меня есть от него ещё один очень важный секрет... Первая книга - «Дерзкие. Будешь должна» Содержит нецензурную брань

© Катерина П., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	9
Глава 2.	13
Глава 3.	17
Глава 4.	22
Глава 5.	28
Глава 6.	34
Глава 7.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пролог

– Катюш, смотри, что мы тебе взяли, – мама показывает мне кулон в виде аккуратной золотой капельки, а я ощущаю внутри болезненное жжение.

Помню, как после его выстрела, громко вздохнула, прикусив губу от страха. Пули в патроннике не оказалось, зато он ответил на мой вопрос своим поступком, и я молча встала и ушла из кабинета, чтобы собрать вещи. Там прямо на своей постели я оставила все его подарки, когда-то приобретённые для меня. В том числе и кулон, который он подарил в один из лучших вечеров в нашей жизни.

«– Это моё, если что... Вырвано из груди и отдано. В бессрочное пользование.

– Не боишься, что я его... Разобью или потеряю?

– Если разобьёшь или потеряешь, значит, так надо...

– Спасибо. Всегда будет со мной».

Воспоминания горьким эхом раздаются по грудной клетке. Я принимаю подарок и прижимаю к себе.

– Спасибо, мам... Серёж... Но не стоило тратить деньги...

– Что ты, Катюш... Я ведь нашла такую хорошую работу. Да и Серёжка подрабатывает в магазине возле дома... Мы только благодаря тебе радуемся жизни, – говорит мама, на что я невольно улыбаюсь, хотя внутри просто апокалипсис. Ведь всё это не благодаря мне, а благодаря Глебу.

И я до сих пор ему благодарна, несмотря на все болезненные слова, что услышала от него в свой адрес. Все обвинения и оскорбления... Возможно я заслужила это. Или вовсе не заслуживала его самого...

Зато теперь он будет счастлив, как и его отец.

Совсем недавно мне звонила Соня. Я сразу сообщила ей, что не могу оставаться в городе. Мне нужно уехать на неопределённый срок. А сейчас она пока не знает, что мне придётся взять академ отпуск, и вряд ли я вообще вернусь. Скорее всего переведусь на заочное во Владивосток...

Именно она сказала мне, что Глеб женится. В универе сразу поползли слухи, а с учетом того, что Кир – его лучший друг, всё стало ясно ещё раньше.

Думаю, Беата счастлива, да и Александр Юрьевич тоже. Соня говорила, что Глеб сильно изменился. Стал более замкнутым, закрытым и одиноким. Я слышала, что он даже продал один из своих клубов, но причину этому не знала.

Вскоре из Интернета увидела и то, что Глеб Александрович Адов стал обладателем акций ювелирного холдинга отца. Так я поняла, что его очень ловко подмяли под себя, а я оказалась просто ненужным звеном в его истории. Той, которой никогда бы не позволили быть с ним по-настоящему.

Маме и Серёже я не стала ничего рассказывать, тем более, что рассказывать было нечего. Два месяца отношений были вырваны с корнем, словно их никогда и не было. У меня не осталось даже его номера. Думаю, после того как он разбил свой телефон, и у него не оставалось моего. Мы больше ни разу не пересекались, никогда не говорили. Единственным связующим звеном оставалась Соня, ведь они с Киrom до сих пор были вместе. Но даже ей я не рассказывала свой самый главный секрет...

С тех пор как Глеб единожды нарочно кончил в меня, у меня пришли месячные, и я искренне надеялась, что пронесло, ведь не хотела заводить ребенка в одиночестве, да ещё и после такого горького расставания, стресса и нервов, но... В последние дни я ощущала сильную тошноту, как будто у меня была морская болезнь. Изначально я так и думала, ведь во Владивостоке приходилось постоянно кататься на судне, да и морепродукты были не самым моим

любимым блюдом, но собравшись с мыслями и вычитав в интернете о том, что месячные могут продолжаться даже в случае беременности, мне вдруг стало не до шуток. Я купила пять чёртовых тестов, а потом поняла, что все они показывают один и тот же результат... Так и пришла идея об академе и дальнейшем переводе, но в Москве сказали, что для этого нужно явиться за документами лично и сдать долги, чтобы мне одобрили этот перевод. А это неизбежно значило встречу с тем, кого я так боялась увидеть... Это неизбежно значило ощутить новую порцию боли, которой, казалось, уже было за глаза, но всё ждало меня впереди...

– Ааааа! Катюшаааа! – Соня заключает меня в свои крепкие объятия, едва я появляюсь на пороге нашей с ней старой комнаты. – Почему не сказала?! Я бы встретила!

– Знаешь, я как-то не хотела придавать этому такое значение, – смеюсь, обнимая её. – Ты расцвела... Такая красивая...

– Спасибо, – она делает мне шуточный реверанс, а я одобрительно киваю, отчего мы обе заливаемся в хохоте. – Как там Владивосток? Как родные?

– Хорошо, да... Всё хорошо... Мне ещё нужно будет серьёзно поговорить с тобой в ближайшее время...

– О, чуть не забыла! Тут же к тебе парень приходил, – улыбается она, играя бровями.

– Какой ещё парень?

– Такой высокий, темноволосый... Саша... Или Паша...

– Паша Конев? – спрашиваю, и Соня начинает судорожно кивать.

– Да-да, узнал у нашей комендантши в какой ты комнате, и пришёл. Но тут же была только я. И вот... Он оставил тебе это, – она передаёт мне свёрток, а я хмурюсь, но разворачиваю. – Любовное послание? – спрашивает она, смеясь надо мной. Она так легко шутит только потому что я сказала, что мне плевать на Глеба и всё кончено. И буквально весь месяц делала вид, что меня вообще не интересует его жизнь, ничего не спрашивала и не интересовалась. Соня проболталась только про женитьбу, и то я типа пропустила эту новость мимо ушей. Я всегда хорошо скрывала эмоции и теперь мне здорово это помогает, чтобы справляться со стрессом.

«Катюша, я до сих пор в Москве. Из сети слышал про помолвку твоего бывшего и сделал вывод, что ты теперь свободна. Сама ты не писала и не звонила, а у меня нет твоего номера, поэтому я решил заехать. Если будет желание, может сходим куда-нибудь? Всё-таки мы теперь оба здесь и очень бы хотелось показать тебе, чего я достиг за эти полтора года. Павел».

Вздыхаю, сворачивая послание обратно.

– Тут ещё это... – она протягивает мне бархатную коробку с золотыми серьгами. Ну вот... Теперь точно придётся встретиться, чтобы отдать ему их. Блин. – Не хочешь с ним встретиться?

– Только чтобы вернуть всё это, – резко отвечаю, прибирая всё в свой стол.

– Ммм... – огорченно протягивает Соня. – Кат... Ты хоть и говорила, что всё хорошо, но ты какая-то дёрганная. С мамой и Серёжей точно всё в порядке?

– Да, Сонь, всё хорошо. Просто ты же знаешь, я не люблю такие подарки. А когда вот так обязывают их принять, просто оставляя в комнате, не люблю и подавно.

– Мне показалось, он вполне обеспеченный. Приехал на какой-то крутой машине. Думаю, такие подарки для него не проблема...

– Для него может и нет, а для меня – да, – отвечаю, перетащив свою дорожную сумку, и Соня тут же вцепляется в неё руками.

– Давай помогу растолкать? – спрашивает, уже зацепив замочек, но я останавливаю.

– Сонь... Не надо, – грубо осекаю, на что она хмурится.

– Извини, я хотела, как лучше...

– Сонь, нам надо поговорить... – плюхаюсь на кровать и смотрю грустным взглядом. – Дело в том, что я приехала сюда... Ненадолго. Совсем ненадолго. Я переезжаю к матери, подруга... Перевожусь в другой университет...

– Что? Нееет, – мотает она головой. – А как же я? Как же Глеб?!

У меня сердце замирает.

– А при чём здесь Глеб?

– Ну... Я просто думала, что есть шанс... Что вы...

– Соня, нет... Его нет. Пойми, что мы с ним друг другу не подходим. Всё закончилось. И мне придётся уехать...

– Потому что ты бежишь, да? Бежишь от чувств?!

– Вау... А отношения с Киром явно идут тебе на пользу... Ты научилась высказывать всё, что думаешь... Как на духу...

– Катя... Я ведь тоже не слепая. Он изменился, какие-то однодневные девушки рядом. Что между вами произошло? Ты ничего не говоришь. Кир не говорит, а я боюсь спрашивать, но сейчас, когда ты сказала, что уезжаешь... Тут и дураку понятно, что произошло что-то очень плохое. Он ведь любил тебя, я точно знаю, что любил... А теперь женится ни с того, ни с сего! Хотя сам спит с другими! Что это ещё за дела такие?!

– Послушай, не надо. Он изменился, потому что понял, что эти отношения для него травматичны. Так же, как и для меня. Мы оба поняли, что не подходим друг другу. Тут и обсуждать нечего... Я должна буду закрыть долги и уехать. Прости меня, пожалуйста, Сонь... Но мне так будет лучше.

– Ладно... Хорошо, Катя. Я понимаю, – она садится рядом и вздыхает, взяв меня за руку.

– Значит, ты примерно на месяц?

– Боюсь, что даже недели на три... Не больше, постараюсь быстрее всё сдать и улететь. Главное, чтобы все пошли на встречу.

– Думаю, с этим не будет проблем, тебя ведь любят преподаватели...

– Ага, – улыбаюсь и заваливаюсь на свою подушку, глядя в потолок... Так много воспоминаний. Взяв книгу с полочки, я очень быстро проваливаюсь в сон после перелёта и не замечаю, как наступает вечер.

«Паша, привет, это Катя. Давай завтра увидимся. Мне нужно вернуть тебе подарок и сообщить одну новость лично», – пишу сообщение своему однокласснику и буквально сразу же получаю ответ, что он заедет за мной завтра в семь вечера, и что подарки – не отдарки. Решаю, что просто оставлю коробочку у него в машине. Спорить ни с кем не собираюсь, мне хватило в своей жизни одного твердолобого дурака. Весь вечер до самой ночи, пока Сони нет в комнате, я читаю лекции, надеясь, что удастся решить всё гораздо быстрее, чтобы как можно меньше времени проводить в стенах этого университета.

Раннее утро встречает тошнотой. Хорошо, что Соня не вернулась в общагу, и я спокойно бегу блевать вместо любимого утреннего кофе. Об аборте я даже не думаю. Ведь как смею предположить, у меня уже примерно шесть-семь недель, и у меня рука не поднимется убить живого человека. Хотя я и хочу сходить к врачу, чтобы всё проверить в ближайшее время, но сильно боюсь. Достаточно быстро записываюсь на прием на следующее утро, умываюсь и бегу в деканат, чтобы переговорить обо всём с куратором и ректором. Выгляжу ужасно. Бледнее моли, с синяками под глазами. И меня постоянно мучает головокружение и слабость.

Договариваюсь, принимаю обходной и мне сообщают, что когда внутренние вопросы между ВУЗами будут решены, на почту придёт список необходимой разницы для поступления. А пока у меня долги, я должна заняться ими.

Выхожу в длинный коридор и просто застываю, увидев в самом конце Глеба, окруженного целой свитой, среди которой какие-то девушки и незнакомые мне парни. Как всегда, одетый с иголки, идеальный, красивый, но при этом такой пустой, что и смотреть на него кажется неправильным и непростительным для себя самой. Глаза – два айсберга. Глаза – отражение души. И его душа отражает лишь осколки... И больше ничего.

Он идёт в мою сторону, идёт не спеша и совершенно спокойно, а затем равнодушно проходит мимо, даже не взглянув на меня, пока Кир очень болезненно и волнительно кивает, следуя за ним, а я кое-как перебираю ноги, уходя оттуда прочь. По всему телу бегут липкие болезненные мурашки, практически иголки, которые кажутся настоящими. И я чисто на автомате залетаю в туалет и начинаю истошно рыдать, закрывшись в кабинке, пока слёзы не вызывают новый приступ неконтролируемой тошноты...

Глава 1.

Как же больно осознавать, что нас больше нет. Как мучительно и невыносимо каждое воспоминание, которое проникает в тело как тысяча острых лезвий. Мне кажется, я забываю, как дышать, когда вижу его. А когда понимаю, что он больше не смотрит на меня... Что он больше никогда не назовёт ведьмой... Не обнимет... Не поцелует, я и вовсе проваливаюсь куда-то в настоящий Ад...

Он был для меня всем. Или есть всё? Я не понимаю, что чувствую. Внутри всё скребёт и пульсирует. Нутро разрывает на части. Где заканчиваюсь я и начинается он или наоборот? Раньше мне казалось, что мы – продолжение друг друга... А теперь...

Умыв лицо и глядя в зеркало, наблюдаю свой потрепанный, изнеможенный вид. Неужели мой ребёнок творит со мной такие вещи? Или же дело в горечи расставания? В том, что я больше не могу смотреть на объект своих мучений так близко?

Быстро выхожу в коридор и бегу решать свои вопросы. Мне везёт, долго ждать не приходится, и я пулей вылетаю из университета, проскочив мимо тех самых спортивных машин, рёв которых уже отложился у меня в памяти.

Добравшись до общежития, смиренно выдыхаю. Уже завтра узнаю, всё ли с маленьким в порядке. Но я точно чувствую, что он там есть... Он или она, не важно. Эта энергетика Глеба. Пусть я мнительна... Но я его ощущаю. Его огонь и его силу в себе.

Во Владивостоке нам будет хорошо. Уверена, что мама не осудит. Да и Серёжа точно не будет говорить плохого. Я справлюсь. Ведь как бы там ни было, я уже его люблю. И всегда буду любить его отца. А куда жива любовь, силы на воспитание всегда найдутся.

Пока решаю контрольные и пишу курсовую, в комнату возвращается Соня. Мне разрешили не посещать пары, а она выглядит очень опечаленно и растерянно, будто боится мне что-то сказать.

– Знаешь, я сегодня... говорила с ним, – подруга тянет каждое слово. – Только не ругайся, пожалуйста. Я сказала, что ты прилетела.

– Он и так это знает. Видел меня сегодня, – отвечаю, даже не поднимая взгляда.

– Вот как... Но он показался мне каким-то... Кать... Он всё равно что-то чувствует. Я прямо ощутила, как в его взгляде просквозила боль из-за этого... Он изменил тебе, да? Или... Что-то такое? Из-за чего вы расстались, Кать?

Хмурюсь и качаю головой.

– Он ни в чём не виноват, Сонь. Просто так бывает. Не ищи то, чего нет, – смотрю на часы. Время уже пять. Я так сильно засиделась. – Пойду помоюсь и соберусь на встречу с Пашей. Не грусти...

Беру полотенце и косметичку и ухожу к общим душевым. Через сорок минут возвращаюсь, услышав, что Соня болтает по телефону с Киром. Но стараюсь не обращать внимания. Молча собираюсь и вставляю в уши наушники, напевая что-то себе под нос. В последнее время так рефлексирую, иначе давно бы уже крыша поехала. Всё время думать о Глебе и о том, что между нами произошло, это как нырять в ледяную прорубь и не находить выхода. Порой мне кажется, мы с ним давно утонули и наши тела встретились где-то на дне океана... Где уже ничего не будет по-прежнему...

Когда мы вот так сидели... Друг напротив друга... Холодный металл касался моего лба, а запах страха и ненависти витал в комнате. Я чётко ощущала, что теряю его. Наша нить, которая до сих казалась неразрывной, рвалась прямо на моих глазах, а я ничего не могла с этим поделать. Лишь безмолвно кричать ему своим взглядом.

«Прошу тебя. Остановись. Поверь мне. Я тебя люблю».

Лишь пытаться кричать это своими глазами, своим сердцем, своей пока ещё не растоптанной душой... Но он не услышал...

А я поняла, что он не верит.

И никогда не поверит, что бы я тогда не сказала...

Я поняла, что всё рухнуло. И мы с ним просто перестали друг для друга существовать. Это было началом нашего с ним конца.

Ведь сказка не может быть вечной, правда?

И сейчас, когда я слушаю музыку, невольно примеряю каждую фразу на наши отношения... Знаете такую фишку? Когда теряешь любовь всей жизни, кажется, что вселенная потешается над тобой. Абсолютно всё вокруг начинает изводить твои нервы и проверять на прочность. Даже чёртовы джинсы Светки Титовой, которые я по запарке так и не вернула, а они, будто назло выпадают из шкафа, стоит мне потянуться за феном.

Чудесно, блин! Просто прекрасно! Спасибо, Вселенная! Ты меня ещё не добила!

Не считаю встречу с Пашей свиданием, поэтому краситься даже не собираюсь. Одеваюсь, как попало, и сушу волосы, думая только о завтрашнем походе к гинекологу. А потом, когда Соня заканчивает диалог с Киром, лезу в ящик стола за серьгами и вдруг понимаю, что они лежат совсем не в том отделе, куда я их засунула, а записки рядом и вовсе нет.

– Эм... Ты ведь не трогала ничего, да? – спрашиваю, на что Соня меняется в лице.

– Я? Кать, ты чё?

– Да нет, не подумай. Просто коробку я точно клала вместе с запиской на верхнюю полочку возле своей русалки...

– Может случайно как-то не туда положила? Задумалась и тебе так показалось?

– Да нет же... Иначе где записка? – сползаю на пол и роюсь во всех ящиках подряд, но тщетно. Пашино послание исчезло куда-то, будто его и не было. – Странно... Может девчонки или Ирина Альбертовна... Но это абсурд. Зачем ей какая-то бумажка?

– Кать, слушай, ну я не знаю, правда... Я пришла, ты уже была здесь. А когда ты ходила мыться, я болтала с Киром. Никого здесь не было больше, комната всегда закрыта на замок, – сообщает Соня, на что я всё же выдыхаю.

– Ладно, к чёрту. Бесовщина какая-то, – отвечаю, накидывая на себя тёплое пальто и слышу звук входящего сообщения.

«Я подъехал, выходи».

«Ок».

– Ладно, Сонь, я пошла. Быстро избавлюсь и вернусь, – сообщаю подружке, на что она только улыбается, качая головой.

Спускаюсь, выхожу из общежития и вижу, что Паша приехал на Роллс Ройсе, а в руках у него огромный букет алых роз. Не придаю этому значения и замираю возле двери его автомобиля, даже не перенимая цветы.

– Это тебе, Кать... – тянет он с добродушной улыбкой, и мне честно стыдно, но...

– Паш, я вообще-то хотела встретиться, чтобы вернуть это, – протягиваю в руке ту самую коробочку. – Мне всё это не нужно. Отношения не нужны.

– Почему? Я настолько тебе не нравлюсь?

– Дело не в этом. Мне сейчас никто не нравится, Паш... Болезненное расставание, понимаешь? – спрашиваю, чуть скривив лицо. Вообще не хочу говорить кому-то об этом, но ощущение, что Паша иначе не поймет.

– Я могу помочь тебе его забыть. Это всего лишь цветы... Ладно, серьги можешь не принимать... Но цветы? Кааать, – жалостливо смотрит он, вынуждая меня нахмурить брови. И я всё же беру их в руки.

– Ладно.

– Давай мы поужинаем, и я сразу отвезу тебя обратно. Всё обсудим. Мне есть что сказать...

– Про Ваню? – улыбаюсь, вспоминая его занудного противного младшего брата, на что Пашка посмеивается.

– И про него в том числе... Гадёныш женился, прикинь, – сообщает он, отчего мне становится реально очень весело, и я всё же решаюсь сесть в машину и поехать с ним на ужин, чтобы хоть немного отвлечься от всех насущных проблем.

– А в какой ресторан поедem? – интересуюсь, когда выезжаем на главную.

– В «Дьюри». Была там?

– Нет, я мало где была, – улыбаюсь, на что Паша пожимает плечами.

– А я за этот год только и делал, что изучал тут всё. От свободных ниш до вложений... Сколько труда ушло, но оно того стоило... Ванька теперь тянет из меня бабло, как говнокачка, – ржёт он, на что я закатываю глаза.

– Он всегда был сообразительным парнем... – издеваюсь в ответ.

Когда подъезжаем до того самого места, я вдруг понимаю, что соврала. Я была здесь. С Глебом. В тот самый раз, когда мы заезжали поужинать и решить вопрос насчёт Гамеля, но я даже не обратила внимание на название, потому что была раздражена. Мне было плевать. А теперь я захожу сюда с другим парнем и вижу ту самую приветливую девушку-администратора, которая встречала и провожала нас в прошлый раз с Глебом.

Больно. Как же больно!

Всё напоминает о нём...

– Здравствуйте, пройдёмте. Меню на столике. Ваш официант на сегодня - Владлен. Если будут какие-то вопросы, всегда можете обратиться ко мне. Меня зовут Ангелина. Располагайтесь, – девушка покидает нас, доведя до столика возле окна, и растворяется в стенах просторного зала.

– Знаешь, я солгала, я была здесь... Просто не знала названия. Один раз была...

– Оу... Жаль конечно. Мечтал отвести тебя в место, где ты ещё не была...

– Да не страшно... Я, знаешь... Я не голодная, Паш... И точно не буду есть, – признаюсь немного с опаской. Не стану же говорить, что мой желудок отвергает почти всё, кроме гречки и курицы, блин. А есть это в ресторане как-то даже смешно.

– А хотя бы десерт?

Мотаю головой, но тут же растягиваю улыбку.

– Но я точно буду воду. Много воды... Желательно с лимоном...

– Хорошо, – посмеивается он, глядя на меня. А потом мы около двух часов обсуждаем всё на свете. Бывших одноклассников, учителей, какие-то старые приколы, происшествия, родителей.

– Спасибо тебе... Я реально очень давно вот так не отвлекалась просто на воспоминания... Это дорогого стоит...

– Ну вот видишь... А ещё я порой вспоминаю наш с тобой странный поцелуй у новогодней ёлки и мне до жути стыдно, – признаётся он, вызвав у меня смех.

– Почему???

– Ну, я тогда как бы облажался... – добавляет он, а я понять не могу о чём он вообще говорит. Просто толком и не помню, что такого тогда случилось. Вообще как-то не запомнилось. Наверное, потому что я все остальные свои поцелуи до Глеба и за поцелуи-то не считая... Всё было не тем... Абсолютно не тем. И я не помню ничего, кроме его губ на своих.

– Не помню, – наигранно улыбаюсь, отмахиваясь и изучая антураж вокруг. Паша же смотрит только на меня, будто пытается проделать во мне дыру своим пристальным вниманием. Но после провокационных взглядов Глеба, которыми можно сжечь дотла все внутренности, вот эти попытки для меня будто реально детский лепет.

– Так ты скажешь почему не хочешь новых отношений? Он тебя обидел?

– Паш... – тут же осекаю его. – Не надо. Об этом я явно не готова разговаривать. Я хотела сказать тебе, что я здесь совсем ненадолго. Всего-то на три недели и потом всё... Улетаю на ПМЖ во Владивосток.

– Что? – растерянно смотрит он, слегка прибитый к земле моим таким заявлением.

– Да... Поэтому об отношениях не может быть и речи, – заявляю, на что он ещё сильнее расстраивается.

– Но Владивосток ведь не проблема. Я и сам могу туда уехать. Следом за тобой, – заявляет он, полный уверенности. Чуть конечно какая-то с его стороны, поэтому я просто и скупно отвечаю:

– Нет, это ни к чему.

Чувствую, что начинаю нервничать. А когда это обычно происходит, меня выворачивает. Поэтому я только стараюсь справиться с новым приступом, однако, не выдерживая, всё же направляюсь в сторону уборной, предупредив Пашу, что мне нужно уединиться.

Когда захожу туда, тут же закрываюсь в одной из кабинок и извергаю из себя всю жидкость, что выпила, отчего у меня нестерпимая боль во всём желудке. Словно острый приступ изжоги или гастрита. Естественно, блин. Нашла что пить на голодный желудок... Воду с лимоном! Дура...

Выхожу оттуда слегка потрепанной и включаю воду, склонившись к раковине и прополаскивая рот, пока взгляд в зеркале не натывается на знакомые золотистые локоны и голубые глаза Беаты Домбровской. У меня будто чеку внутри вырывает. Мы смотрим друг на друга, и она кажется слышала, что со мной там происходило.

Господи, лишь бы только подумала, что я просто перебрала с алкоголем. Пожалуйста!

Пульс учащается до максимума. Меня же сейчас бомбанёт!

Я кое-как отрываю от неё свои глаза, судорожно вытирая рот салфеткой, и выбегаю оттуда прочь, словно ужаленная, делая вид, что мы незнакомы.

Что она вообще здесь делает? Она с Глебом? Если да... Он знает, что я здесь? Он видел? Как так вообще получилось, что мы с Беатой оказались в одном месте в одно время?!

Не успеваю ответить себе на все эти многочисленные вопросы, как застываю в ужасе перед нашим столиком, глядя на то, как Глеб склоняется над Пашей и что-то шепчет ему на ухо, метнув свой ледяной уничтожающий взгляд в мою сторону...

Глава 2.

Сердце воет набатом, когда вижу, как он смотрит. Не в силах разорвать этот магический зрительный контакт стою, как обмершая перед ним, и не шевелюсь до тех пор, пока он не уходит от нашего столика, бросив последний небрежный мажущий взгляд в мою сторону.

Только тогда я позволяю себе отмереть и подойти обратно к Паше.

– Что это было? Что он тебе говорил?! – спрашиваю, нахмурившись. Внутри просто ураган и меня закручивает в смертельную воронку вместе со всеми своими воспоминаниями.

Это нечестно! Остановись! Исчезни, будто тебя и не было! Мне больно!

– Да не переживай. Просто подпёр мою машину. Попросил сказать, как мы поедem, чтобы дать нам проезд, – сообщает он равнодушным тоном.

– И всё?

– Ну да, – говорит он, заставив меня нервно кивнуть головой.

Дура! Какая же ты дура, Катя! Думаешь он о тебе вообще вспоминает?! Да плевать ему на тебя! У него там невеста с идеальными формами и покладистым характером, готовая ему пятки лизать и ползать на коленях, а ты ещё, идиотка, напрашиваешься! Фу! Тошно от себя самой.

Сыта по горло.

– Знаешь, мы, пожалуй, можем ехать... Я не особо хочу тут оставаться...

– По правде говоря, я тоже... Оденешься пока? Я погрею машину и поедem...

– Хорошо, – соглашаюсь и иду к гардеробной. Там уже будучи одетой принимаю вызов от матери. Немного говорим с ней, но я не разглагольствую, потому что хочу нормально поболтать, когда останусь одна.

Когда Паша возвращается с улицы, вид у него такой, словно он на меня злится, но ничего не говорит, просто провожает до машины.

– Меня расстроила мысль о том, что ты вновь уезжаешь куда-то... Я искал тебя, – добавляет он, пока мы возвращаемся в общежитие.

– Зачем искал?

– Потому что всегда был влюблен в тебя, – сообщает он без заминок, а у меня сейчас случится обморок. Что ещё за глупости?

– Паш... Это всё лишнее...

Не успеваю что-то объяснить, как он бьёт по тормозам, заруливая в какой-то кармашек возле магазина.

– Это не лишнее, блин, Катя! Да я влюблен! Влюблен с десятого класса! И можно сказать всего этого я добился только ради того, чтобы отыскать тебя! Чтоб добиться расположения! А ты бегаешь от меня, как ужаленная! Связалась с каким-то криминальным выродком! И теперь...

– Не смей, слышишь, – агрессивно выдавливаю я, сцепив зубы. – Только продолжи его оскорблять, и я больше никогда с тобой не заговорю!

На его лице вдруг появляется защитная болезненная ухмылка.

– Вот как... Значит, всего пару месяцев и так конкретно крышу снесло, да? – спрашивает будто с издёвкой. – А знаешь ли ты, что он хотел мне приплатить, чтобы я как можно быстрее тебя оприходовал?! Сходу предложил до хуя бабла, чтобы я тебя трахнул?! Как тебя такая новость, а, Катюш?!

– Что?! – морщусь, выдавая панику за мерзость. Боль за отвращение. – Что ты, мать твою, сказал?!

– Что слышала, Катя! Он подошёл и сказал, цитирую по слогам: «Дам тебе триста штук баксов, если уведёшь отсюда эту шлюшку и оттрахаешь на парковке за рестораном». Классно?! Тебе нравится такое в парнях?! Так его любишь?!

– Вообще-то не очень, – отвечаю с комом в горле, отстёгивая ремень. В груди всё разрывается на мелкие осколки. Какой же Глеб ублюдок...Какой же гнусный выродок...Как я его ненавижу!

Но мне нельзя так думать. Нельзя. Потому что у меня есть малыш. Он во мне и всё чувствует. А такие мысли причинят ему только вред.

– Рада была встретиться, Паша. И прощай, – захлопываю дверь в его машину и иду в сторону остановки, вытирая со щек жгучие невыносимые слёзы. На улице колотун, а мне не холодно, мне так, словно я умерла...

Если я раньше думала, что мертва, то ошибалась. Полная остановка сердца произошла сейчас. Когда я это услышала.

Вообще ни о чём не думаю, даже не сразу замечаю, что машина Паши следует за мной со скоростью черепахи до самого автобусного кармана.

– Катя, прости. Садись. Я довезу.

– Нет, – отвечаю сразу же. – Не утруждайся. Мы больше не увидимся. Я не хочу общаться.

– Давай я только довезу и всё. Обещаю, что больше не стану тебя беспокоить... – шепчет он, а я чувствую, что мои ноги мёрзнут.

Пять минут уговоров и отсутствие автобуса начинают играть роль. Мне нельзя стынуть. Это опасно для ребенка.

Сажусь к нему в машину только поэтому, и сама не знаю, что на меня находит. Я вдруг начинаю истошно рыдать, как полная идиотка. Вот так просто в машине человека, которого я не видела толком уже почти два года. Так больно на душе, что не могу остановиться.

Зачем он говорил все те слова о нас когда-то, если по итогу так гнусно обо мне отзывался?! Разве можно так возненавидеть?! Я ведь никогда бы не сказала про него таких мерзостей! Никогда бы вот так его не ранила!

Да я просто разрезана им на мелкие кусочки! Атрофирована! Уничтожена!

– Всё, не плачь, – шепчет Паша, успокаивая меня.

– Не могу...Не могу, – извожусь на нет. Всю трясёт. Кажется, что сейчас начну задыхаться. Как же это мучительно. Как же жестоко!

Лихорадочно хапаю воздух в салоне, чтобы хоть немного устаканить дыхание, но толком ничего не выходит.

– Да что между вами произошло, блин?! – выдаёт Павел рассерженно. – Не понимаю, что ты такого сделала...

«Предала, предала, предала...Не предавала!!!», – стучит моё сердце в ответ.

– Это не важно. Всё, Паш. Я успокоилась. Довези до общаги, – прошу его, на что он кивает, и его авто трогается с места. Я всё время молчу и смотрю в окно, ощущая, что мои кишki скручивает от боли.

Уже там благодарю его и собираюсь выходить, но он берёт за руку.

– Если что-то будет нужно, звони... – твердит он, на что я киваю и быстро юркаю из салона в сторону крыльца своей общаги. Цветы оставила в машине, серьги – тоже.

А сердце...Сердце – в том ресторане... В его ногах.

Правильно всё сделала. Если не считать тот факт, что он его топчет.

В комнату возвращаюсь с видом мертвеца, и Соня тут же это замечает.

– Ой...Что случилось??? – подпрыгивает она с кровати.

– Ничего. Просто видела Глеба и всё.

– Что? Где?! – удивляется подруга.

– Мы с Пашей ездили в ресторан... – меня вдруг снова распаляет, и я, начиная рыдать, выливаю Соне всё-всё, что со мной происходит, а потом не выдерживаю и добавляю. – Я беременна!

У подруги округляются глаза. Она замученно вздыхает и прикрывает рот ладонью.

– О, Господи, Катюш... Почему ты не скажешь ему обо всём?!

– Ты в своём уме?! После того, как он обозвал меня шлюхой и предлагал денег моему спутнику, чтобы тот меня трахнул?! – ору в истерике, на что Соня хмурится и обнимает меня.

– Малышка... Я не знаю, как это комментировать... Это так странно... Так ужасно... Но... Ты уверена, что хочешь оставить ребенка?

– Да, конечно, да... Он же не виноват ни в чём! Он уже внутри меня... Я его оттуда не вырву... Нет... Ни за что...

– Ладно... девочка моя... Как же мне жаль, что с тобой такое происходит... Милая...

– Обещай, Сонь, что ты никогда ему ничего не расскажешь. Никому! Ни ему, ни Киру, что бы ни случилось!

– Конечно, я обещаю... Это твой выбор, малыш, – отвечает она, поглаживая мою спину. – Всё будет хорошо, Кать... Я уверена, ты справишься. Ты самая сильная из всех, кого я знаю... А Глеб ещё будет страдать из-за своих поступков и слов! Он не понимает, что творит! Он просто... Не заслуживает тебя!

– Спасибо, Сонь... – шмыгаю носом, а потом достаточно быстро раздеваюсь, залезаю под одеяло и отключаюсь, несмотря на пережитый стресс.

«Ты же для меня всем была... Ненавижу тебя... Ненавижу так сильно... Ты моё сердце вынула... Дрянь!»...

Сквозь сон смотрю на падающего на колени Глеба. Всё повторяется как в бесконечной круговерти кошмаров. Из моего мужчины вылетают жизненные силы. Я вижу, как он стонет в пустоту. Как он кричит, сдирая горло до боли. Как размахивает пистолетом вусмерть дрожащими руками. Не могу не обхватить его ладонь. Снова как по сценарию. Держу её. Растираю. Чувствую. Умираю. Смотрю в глаза, как делаю это на протяжении всего месяца. Смотрю ему в глаза в каждом своём сне. В каждом! Беспрерывно!

Голубые, бескрайние, бездонные... Которые в одну секунду становятся для меня стеклянными... Они отражают мёртвую воду, в которой плещется моё израненное сердце.

«Я люблю тебя», – то, что так и не сказала...

«Я люблю тебя», – то, что так и не услышала...

По коже мурашки. Я в хлам. Лечу куда-то, срывая руки и ноги в кровь. Пытаюсь зацепиться хоть за что-то. Пытаюсь кричать, но голосовые связки будто перерезаны.

«Эту шлюшку... Триста штук баксов. Оттрахаешь на парковке».

«Ты единственный... Ты был у меня один!!!», – хочу застонать как раненное животное, но вдруг понимаю, что стонать некому и незачем. Никого рядом нет, никто не услышит, не поможет, не придёт. Я на каком-то пустыре. По бёдрам течёт кровь. Чувствую её металлический запах в воздухе. Эти пары как ядовитое облако. Мне так плохо, что я боюсь шевелиться.

– Нет... нет, нет... – хнычу в небо, умываюсь этой кровью. Провожу ладонями, растирая её по мёрзлой коже. – Нет, пожалуйста... Это же мой ребёнок... Нет...

Всё нутро скручивает. Вспышка. Столкновение. Безумная пронзающая боль! И липкий шёпот прямо за спиной возле моего уха...

«Всегда будь со мной, ведьма. Всегда. Навсегда».

Я открываю глаза в панике посреди глубокой ночи на кровати и тут же веду вниз руку. Горячая вязкая субстанция охватывает промежность. Я боюсь смотреть, но включаю ночник, ощущая, как глаза увлажняются. Соня тут же подпрыгивает со своей постели.

– Катя, всё хорошо?! – она смотрит на меня в ужасе, а я собираю пальцами вытекшую из себя кровь.

– Нет, вызывай скорую... Срочно!

Глава 3.

– Угроза выкидыша, девушка. Лучше понаблюдать здесь пару дней. Вовремя Вы вчера приехали... И, с учётом отслойки плаценты, необходимо проставить курс гормональных свечей... А ещё не нервничать... Стресс – дело такое... Ваша подруга сказала, что Вы сильно перенервничали вчера, – сообщает врач, пока я утираю слёзы и держу дрожащую ладонь на животе.

«Спасибо, что остался со мной... Спасибо, что ты ещё здесь»...

Он ведь меня предупредил... Заставил проснуться... Он решил, что должен задержаться... Он знает, что нужен мне. И это не может быть паранойей.

– В целом беременность протекает нормально. Срок шесть недель. Рано гадать пол, но по сердцебиению можно предположить, что мальчишка, – улыбается доктор. – Просто у девочек пульс обычно повышен. От 150 и выше. Но бывает всякое. – продолжает он, пожимая плечами. – Если будете оформлять отказ от госпитализации...

Мальчишка... Девчонка... Мне без разницы, – убеждаю себя. Но почему-то я ощущаю в себе именно мужскую энергетику.

– Нет. Я останусь, раз так надо. Вы ведь говорите, что лучше понаблюдать, – твёрдо и уверенно сообщаю я.

Пусть я не люблю больницы, но не допущу, чтобы с моим ребёнком что-то случилось. Нужно учитывать все риски. Там, где сейчас Глеб, я всегда буду чувствовать себя уязвимо и напряженно. Значит, лучше это перебдеть.

– Правильно, – улыбается он, и я выдыхаю.

Вспоминаю тот ужас, что ощущала и видела во сне... Мне становится дурно...

Эти навязчивые кошмары. Мучительные и бесконечные. Веретено моих безумных мыслей, загоняющих меня ещё глубже, чем я есть. Глеб – это то, что делает меня слабой и сильной одновременно. Это то, что и убивает, и возрождает, словно у нас с ним одна жизнь на двоих. А мы постоянно меняемся местами в надежде понять друг друга и простить... Но это невозможно. Мы перешли черту.

Я будто укушена им. И теперь на меня напала какая-то хворь.

Хворь опасная и неумолимая.

Выжимающая из меня все соки, скручивающая тугими верёвками...

Обездвиживающая и парализующая...

А я хочу идти дальше! Ради своего ребенка! Ради себя! И ни один Адов не сломает мою жизнь! Ни один Адов больше к ней не прикоснётся!

Ненавижу тебя, Глеб! Ненавижу! Сейчас ненавижу больше всего на свете, а если бы ты забрал у меня то единственное, что растёт внутри меня, я бы из-под земли тебя достала. Я бы выкрутила тебе жилы! Я бы обесточила тебя от этого мира!

Когда врач уходит, Соне разрешают провести меня, ведь родные далеко, а кроме неё у меня никого здесь нет.

– Сможешь тихо предупредить в деканате? Я потом возьму справку и передам... Главное, чтобы никто посторонний ничего не узнал, – спрашиваю, пока Соня плачет.

– Катюш, я так испугалась, – она хватается меня за руку. – Ты так закричала во сне... Я просто тут же проснулась и ахнула...

– Всё хорошо, Сонь. Главное, что мы успели. Хорошо, что ты быстро среагировала и вызвала скорую...

– Блин... Это не ночь, а сущий кошмар... – заключает она, выдыхая. – Хорошо, что хоть не в Новый год случилось...

– Да, действительно хорошо... – отвечаю я, задумавшись.

Сейчас 22 декабря и отмечать праздник мне скорее всего придётся одной, но из больницы я уже выйду, это совершенно точно.

– Ты в курсе, что у нас вроде как вечеринка намечается от университета? В ресторане, все дела, – спрашивает она, улыбаясь. – Но я не пойду. Хочу отметить с тобой вдвоем в комнате, раз уже это последний наш с тобой общажный Новый год вместе!

– Последний общажный Новый год, – смеюсь этому названию, а на душе так тепло. Что есть у меня такая добрая замечательная подруга. – Ты же... Будешь крёстной, да? Моему малышу... Или малышке...

Соня начинает реветь. Истерично и громко всхлипывать, и буквально умыться слезами в ответ на мою просьбу.

– Господи, конечно! Конечно! Конечно! Я прилечу во Владик сразу же, как это случится! Как ребеночек появится на свет и когда ты захочешь его крестить тоже!

Она обнимает меня, и я успокаиваюсь. Родная душа в такие моменты очень и очень важна... Слишком много всего произошло за эти месяцы. А я не могу рассказать ни матери, ни Серёже. Потому что это будет подло и некрасиво с моей стороны. Они не должны жалеть меня. Им есть чем заняться, ведь они только начали жить полной жизнью.

Через три дня меня выписывают. В деканате всё поняли, я приношу справку и курсовую, которую доделала, будучи в больнице, когда Соня привезла мне ноутбук.

Думала ли о Глебе это время? Безусловно... Глупо врать, когда сердце разрывается от боли.

Но я больше не считаю его хорошим, а себя виноватой. Больше нет! Я старалась! Правда старалась! Я хотела, как лучше, а он даже слушать не стал! Да ещё и оскорбил в глазах чужого человека! Это низко. Это недостойно и гадко. Но чего я ещё ожидала от Ада? Пусть катится ко всем чертям вместе со своим синим пламенем на Адской колеснице.

24 декабря сдаю ещё один зачёт, а затем на радостной волне долетаю до деканата, чтобы решить вопрос по ещё одному предмету, но узнаю, что, к сожалению, преподаватель находится на длительном больничном. Скорее всего до двадцатых чисел января, потому что ему предстоит операция. А это значит, что мне придётся задержаться на более длительное время! Чёрт!

В мгновение у меня всё тело коченеет, и я сильно нервничаю, отчего снова подкрадывается тошнота. Однако доктор прописал мне таблетки от токсикоза, поэтому отныне я всегда и везде таскаю их с собой.

Лечу в сторону уборной, чтобы запить водой одну капсулу, как вдруг, заворачивая за угол, на всех скоростях врезаюсь во что-то каменно-твёрдое и тёплое.

Разряд. Электрический импульс. Шок.

Тук-тук-тук-тук.

Возобновление сердечных сокращений. Мышца ещё жива и этот жалкий насос помнит, как качать кровь... Как прорывать горизонты. Как ныть внутри моего тела.

Синие, недостижимые, неиссякаемые огни. В них живёт вечность и горят целые города. В них горю и я сама. В них гибнут чужие души. Моя давно иступленно бьётся в агонии, плачет, зовёт на помощь.

Умом понимаю, что должна отпрянуть, но чисто физически не могу этого сделать.

Залипаю на его лице. На ощущении прикосновений его тёплых сильных рук на своих плечах. На его чёрствой жестокой непроницаемости, которой наполнены голубые глаза.

Раньше я видела в его взгляде что-то большее, а теперь будто смотрю в зеркало, отражающее равнодушие и хладнокровие.

– Метлу забыла, ведьма? Сегодня на своих двоих? – спрашивает он, выбив у меня из лёгких кислород. Одна фраза, а меня размазало по асфальту на скорости под двести.

Зачем так назвал? Зачем так сказал?! Да и в целом, зачем вообще заговорил?!

Стою, как парализованная. Полностью уязвима. Ощущаю себя обнажённой перед ним, сложившей оружие, падшей. Настолько всё плохо. Настолько ужасно.

Я слабая, слабая, слабая рядом с ним!

Не хочу общаться. И отвечать более не собираюсь. Я должна поскорее улететь из Москвы. Забыть всё как страшный сон. Переключиться. Заняться собой и беременностью!

– Стой, – окрикает меня грубый баритон. – Уронила.

Поворачиваю взгляд на него и понимаю, что у меня сейчас случится обморок, потому что у него в руках мои таблетки от тошноты.

Боже, боже, боже.

Он же не смотрит, что это такое, да? Он не смотрит.

Плывать ему.

Подхожу быстрее пули и выдираю у него из рук блистер. Хорошо, что там толком не прочитаешь. Не видно. Всего-то три первые буквы названия. Но когда рука касается его кожи, по телу будто электрический ток проносится. Взрывает во мне все мои червоточинки.

Да сколько ж можно вот так на меня влиять! Оставь уже в покое мои нервы!

– Не за что, – цедит он сквозь зубы и уходит оттуда быстрее пули, пока я пытаюсь отдышаться униженная одним только его присутствием...

– Светка зовёт нас на вечеринку, – улыбочиво вторит мне Соня слова Титовой.

– Да какие мне вечеринки, Сонь? Я точно мертвец себя ощущаю. Зомби и то лучше меня выглядят.

– Скажешь тоже! – смеётся она, вытаскивая из-под кровати пакет. – Тут... Вот... В общем. – тянет она, поджимая губы.

– Что это?

– Это подарок. От меня, – сообщает она, на что я довольно заглядываю внутрь.

– Соооонь... Ты серьёзно? – умиляюсь, вынимая оттуда детскую мягкую грелку в виде рыженького оленёнка.

– Ага, – кивает, присаживаясь рядом. – Как только буду знать пол, начну покупать и отправлять тебе вещички, а пока хочу, чтобы эта полезная игрушка стала у ребенка первой от его крёстной.

– Это безумно мило, реально. Спасибо... Но пока ещё рано всё это дарить... Не хочу, чтобы у нас комната была этим завалена... будет странно, – задумчиво посмеиваюсь, не желая обидеть подругу, да и вроде она понимает всё сама.

– И всё же подумай насчёт вечеринки. Тебе бы понравилось. Хотя немного бы отвлеклась... Да и время бы вместе провели. Тем более, что парней там совершенно точно не будет!

– Почему? – спрашиваю заинтересованно. Даже излишне заинтересованно, но не могу упустить возможность узнать.

– Это 27 декабря... И в общем, – мямлит она и вся краснеет.

– Сонь... Что? – переспрашиваю, но она вся мнётся, прикусывая губу.

– У Глеба в этот день... В общем... Официальная помолвка. И типа... Интервью для Форбс.

Когда Соня говорит об этом мне даже жить не хочется. Зачем я только спросила?

Помолвка... Беата Домбровская...

В сознании в мгновение вспыхивают жестокие слова его отца.

«Та дешёвка – временное явление. Она скоро исчезнет с горизонта. Останешься только ты. Твой отец будет гордиться тобой. А за моего сына не волнуйся. Он ещё прозреет. В начале года поженитесь. Зуб даю, девочка».

Как же быстро тебя под себя подмяли, Глеб... Как же быстро.

«Она мне неинтересна, ведьма»...

А вот и твой ответ. Полный лжи и боли.

Ты и вправду стал для меня Адом. Во всяком случае, моя жизнь после тебя превратилась именно в него.

К 27 декабря мне удаётся сдать практически все свои долги. Остаётся только два предмета в январе, и я мысленно себя успокаиваю.

«Осталось недолго. Можно расслабиться».

– Идём, – спрашивает Соня, облачившись в лазурное платье. Я же верчусь возле зеркала в чёрном. Длинное в пол с очень откровенным вырезом на бедре и тонкими бретелями. Кстати, купить его уговорила Соня. Она и вытащила по магазинам, аргументируя тем, что мне нужны положительные эмоции. Она конечно же права. Я понимаю. И кроме того, это почти похороны моей студенческой жизни здесь! Так что, гуляем!

Мы с подругой очень быстро приезжаем в ресторан, где нас встречает толпа наших сокурсников. Все мальчишки такие красивые, одетые в смокинги, как с иголки. Да и девочки тоже. Необыкновенные в обалденных платьях. Светка Титова выглядит так, будто сошла с обложки журнала. Нам всем делают кучу комплиментов. И именно сегодня я чувствую себя хорошо, несмотря на обстоятельства.

Я красива. Я полна жизни. Я самодостаточна! И мне незачем для этого быть в отношениях с другим человеком. Я – сама по себе личность и у меня другие цели! Аминь!

– Так... Пойдём найдём тебе что-то безалкогольное, – тянет меня Соня к барной стойке. Я соглашаюсь, кивая. Уже там беру себе мохито. Тем более, что мята – одно из натуральных средств избавления от тошноты.

– Вот видишь, как тут классно? Потанцуем? – играет моя девчонка бровями, а потом ведет меня за руку в центр зала, заставляя и меня сиять, словно Сириус на небе.

– Сонь, ты сегодня светишься от счастья! Я так рада!

– Это потому что у меня есть Кир... Только поэтому, – говорит она, размахивая бёдрами.

– А у меня есть горошинка, – смеюсь я, когда она закручивает меня в танце. Мы, как обычно, отжигаем. Извиваемся, чувствуем музыку и веселимся. Мне просто прекрасно даже без алкоголя.

Мне так, как уже не было очень давно! Угрозы выкидыша больше нет, тошноты тоже. Что может быть лучше всего этого?!

Вокруг толпятся наши мальчишки. Они тоже кружат нас, привлекая в общую волну веселья.

– Девчонки, вы тут самые классные, – выдаёт наш ботан из группы Фетисов. – Просто чума!

Обычно он тихий, а тут на тебе!

– Ага, а тебе пить надо завязывать, – подъедаю его, на что он смеётся.

– Да, возможно...

– Да не нуди ты, Трацкая! – перебивает меня Светка. – Дай парню оторваться! Возможно, это первый и последний раз в его жизни!

– А я и не нудю! – высовываю язык, двигаясь в такт музыке. Не сразу замечаю, что движения становятся какими-то плавными, размазанными, излишне сексуальными что ли, да и музыка – соответствующей.

Мы с Соней уже натурально занимаемся любовью на танцполе, но без прикосновений друг к другу. Лишь наши тела, взгляды и танцы... Лишь бурное наваждение. Молодость, сила, рвение.

Легкость, свобода, забвение.

И внезапно...

Сорокаградусный жар в районе солнечного сплетения. Лихорадка. Одышка. Озноб. Дисфункция клапана лёгочной артерии.

Забываю, как дышать. Забываю, как говорить. Забываю даже то, что его здесь быть не должно.

Просто танцую. Танцую. Танцую.

Уставившись на парня напротив себя.

Вся нервная система терпит крах. Организм выдаёт ошибку. Потому что так быть не должно.

Но так и есть.

Он здесь. Он смотрит. Смотрит. Смотрит.

Стоит напротив в белоснежной рубашке с закатанными рукавами и чёрных брюках. Засунув сильные загорелые руки в карманы вальяжно рассматривает меня со стороны оценивающим пристрастным взглядом, пока я виляю бёдрами и вскидываю вверх обе руки, медленно опуская их и нежно лаская своё же тело. Делая это так, чёрт возьми, чувственно и сексуально, что в то самое время мне кажется, что мы здесь и вовсе одни.

Только я и он. Голые. Снова уязвимые. Снова влюбленные. Совершенно разбитые. Вдребезги. Вмазанные друг в друга будто самым жёстким наркотическим веществом.

Мне точно это мерещится. Его не должно здесь быть. Не должно.

Неужели в том мохито что-то было? Я теряю связь с реальностью.

Зажмуриваю глаза и резко открываю.

Его нет здесь...Нет...Нет...Нет... Мне просто показалось.

По всему телу бегут мурашки от этого видения.

Расслабленно встряхиваю голову, пытаюсь выбросить из неё навязчивые мысли о Глебе, но неожиданно ощущаю тёплые широкие ладони у себя на бёдрах. Пульс учащается до космических пределов.

Я снова в Аду, а Ад во мне!

Эти костяшки. Эти ногти. Этот загар. Эти волосы. Я узнаю всё это из тысячи.

Я чувствую его каменную грудную клетку за своей спиной...Она вздымается как живой щит за моими плечами. Чувствую, как эрегированный член упирается между моих ягодичек под тонкой тканью до одури тесного платья и перестаю шевелиться, замирая в его хищных руках.

Глава 4.

– Что ты здесь делаешь?! Отпусти! – дёргаюсь, отлетая за Соню, как ошпаренная, пока Глеб стоит и ухмыляется. Своей дьявольской сексуальной улыбкой, чёрт его дерит!

– Мне казалось, тебе очень даже вкатило. Ты будто под наркотой тут отплясывала. Стала баловаться? Обычная жизнь уже не привлекает? Могу заменить тебе поставщика дури, если интересуется, – издевается он, словно это снова стало смыслом его существования.

– Да пошёл ты! – выплёвываю озлобленно.

– Глеб, – хмурится Соня. – Кир тоже здесь? Вы же не должны были...

– Да, Кир здесь. За цветами тебе пошёл за угол... – отвечает он, пока я пытаюсь не смотреть в его сторону. – А я сюда приехал, чтобы трахнуть кого-нибудь. – добавляет, бросая оценивающий взгляд в толпу, пока я морщусь. Меня снова тошнит. От его слов, от его гадкого поведения.

Соня закрывает меня от него своим телом и хватает за руку.

– Идём, – тянет она меня в сторону, и я ухожу, бросая на него мажущий гневный взгляд.

– У него помолвка, а он приехал кого-то здесь трахать. Фу, – ворчу себе под нос, наблюдая за Соней. Она тоже очень напряжена и разгневана.

– Я ведь спрашивала Кира. Просила его, чтобы он здесь не появлялся! Чтобы ты спокойно...Здесь отдохнула! А теперь чувствую себя предательницей...Кать, прости...

– Ты не виновата, что он такой мерзкий придурок. Ты не виновата, Сонь. Я переживу. Я лучше выйду на танцпол и продолжу танцы!

– А что...давай...Может даже с Фетисовым?

– Не боишься, что потом Кир ему что-нибудь отстрелит? – смеюсь я, но у Сони сразу такое испуганное лицо становится.

– Ты что?! Лёня ведь хороший! Как можно его обидеть вообще?!

– Да, ты права...По нему сразу видно – не конкурент, – смеюсь, снова ощущая неприятное чувство на затылке. Жжение. – Сонь...Проверь, пожалуйста. Мне же не кажется, да? Он сверлит меня сейчас? Я ощущаю, как волосы полыхают.

Соня тут же заглядывает за меня и охает.

– Блин...Кать... – выдаёт она приглушенно. Я тут же разворачиваюсь сама и наблюдаю за тем, как Глеб лапает Светку Титову прямо на танцполе. Закручивает её в танце, флиртует, забавляется, при этом издевательски поглядывая на меня.

Внутри меня тут же жгучий коктейль плескается. Вот ведь сволочь...

– Тебе нельзя нервничать! – предупреждает Соня. – Давай уйдём? Кир точно поймёт...

– Да пошёл он, Соня. Если он думает, что таким образом сломает меня. Что он сможет нанести мне какой-то душевный урон, он ошибается. Я тоже могу выбрать любого из этой толпы, и он будет моим. Это совсем не сложно! – выдаю задушено. Не знаю, для чего. С какой целью? По сути это какая-то жестокая игра с другими людьми.

– Так вперед, Кать. Сделай это, а то он меня реально бесит! А зная в каком ты положении, у меня аж челюсть сводит. Хочется, чтобы он тоже пострадал! – выдаёт Соня, а я прям её не узнаю. Стала такой кровожадной. Раньше бы в обморок упала от одного представления такого вот спектакля.

Соглашаюсь с подружкой, и мы рассматриваем парней.

– Вон тот, кстати... – она бесцеремонно тычет пальцем. – Стоп...Это же...Тот самый Паша...Твой одноклассник? Да?

– Блин...Капец...А он здесь вообще что делает? – бубню себе под нос, находясь при этом в смешанных чувствах. С одной стороны, удобно, а с другой – ой, как неудобно. Думаю об этом, а сама уже иду в его сторону с грацией кошки. – Привет.

– Привет, Катюш, – выдаёт спокойным тоном. – Как ты? Выглядишь просто охуенно...Прости за прямоту.

– Спасибо, – отвечаю волнительно, опустив при этом взгляд. – Ну и что ты здесь делаешь? Какими судьбами?

– Слышал про вечеринку от знакомых. Решил, что ты точно здесь будешь. Хотел увидеть, – признается он излишне честно, и я киваю. – Потанцуешь со мной? Мне не понравилось, как мы в прошлый раз расстались...

На секунду подвисяю. Почему бы и нет? Не только же той сволочи лапать кого-то на моих глазах. Настал мой черед.

Незамедлительно соглашаюсь, взяв его за руку, и веду в то самое место, где вытанцовывала до того ужасного разговора с Глебом.

Паша резко и динамично прижимает к себе и тут я вспоминаю. Точно!

Он же занимался танцами. Всегда классно это делал.

Я тут же заливаюсь в хохоте и растворяюсь в улыбке, когда сильные руки Паши закручивают и порабощают. А ещё он такой высокий. Наверное, все два метра. Я точно сломаю себе шею, пока буду смотреть ему в глаза.

– А у тебя здорово получается! – перекрикиваю музыку, потираясь об него бёдрами.

А взгляд сам ищет Глеба в толпе и приговаривает:

Смотри, смотри, смотри. Ублюдок! Так тебе и надо!

Нахожу его суровый озлобленный своим беспринципным и ещё сильнее лгну к Паше, чтобы заставить его обхватить себя руками и зажать в кольцо. Так и делает. Поддаётся манипуляциям моего тела за считанные секунды, а у Глеба, кажется, insult на подходе. Во всяком случае он забывает про свою спутницу, пока Светка всячески пытается его ублажать.

– Классно двигаешься, – хвалит Павел, а мне даже становится немного стыдно от своего развратного танца, но похрен. Недовольная рожа Глеба того стоит!

Вытанцовываю и вдруг вижу, как ладонь этой голубоглазой сволочи ползёт вниз прямо на Светкину ягодицу и тут меня в прямом смысле слова прорывает.

Ах ты козёл ебливый! Сволочь ты чёртова! Получай!

Не проходит и двух секунд как я страстно впииваюсь губами в Пашины и начинаю жадно целовать его на глазах у всех, как одичалая самка какого-то зверя. Он тут же подхватывает этот процесс, проявляя инициативу. Жмёт на затылок, посасывает мои губы, не отпускает. А я...

Распахиваю глаза только чтобы посмотреть...

Одним глазком...

И что вижу?

Выражение лица Глеба будто искренне охреневающего от происходящего человека, оно говорит само за себя. Он меня буквально ненавидит. Кулаки сжаты. Челюсть стиснута до предела, кадык дёргается в конвульсиях.

Этот взгляд отличается даже от того, что был в ночь с Русом в клубе.

Он готов убивать сейчас. Я точно это знаю. Потому что знаю его!

Только вот с какой стати ему можно, а мне нельзя?

С какой стати его поведение не ограничивается никакими рамками, а моё должно?

Естественно, мне не нравится. Я не испытываю удовольствия. Делаю всё чисто механически. Да вдобавок во рту у Паши столько слюней, что я готова переблеваться прямо на месте.

Не успеваю разорвать поцелуй, как вокруг раздаются громкие выстрелы. Один, второй, третий. Я теряю из виду Глеба. Все тут же начинают визжать и разбегаться в рассыпную, кто куда. А я ищу в толпе Соню, наплевав на Пашу, который пытается тащить меня к выходу.

– Бежим же! – кричит он, утягивая меня в другую сторону, но я упорно иду за подругой. Хотя и догадываюсь, что произошло, и кто это сделал. Хорошо хоть никого не задело. Но...

– Соня!!! – кричу вглубь толпы и наконец нахожу её взглядом, наблюдая, как к ней подбегает перепуганный Кир с букетом цветов. Осматривает её с ног до головы. Он, видимо, и не в курсе, что произошло. Вот же Глеб придурок...

Едва продвигаюсь к выходу и чувствую, как знакомые наглые руки затаскивают меня в какую-то подсобку. В помещении темно, но я всё равно вижу Глеба... Мне кажется, я могу разглядеть его даже в крошечной мгле.

Ибо его глаза всегда горят как два маяка, которые неизбежно притягивают меня к себе. И никогда не дают сбиться с курса.

Но я больше так не могу. Я больше не могу выносить эти эмоциональные качели!

– Отпусти! Отпусти! Что тебе, блин, надо?! – выплёвываю, натываясь на его жестокий пронзительный взгляд, и пытаюсь убежать, но он перекрывает выход своим телом.

– Надеюсь, понравилось сосаться с ним? – спрашивает, сжимая челюсть, и при этом даже болезненно жмурится.

Но, мне кажется, это всё моя паранойя. Какое ему вообще дело?

– Так же, как и тебе лапать Титову! А теперь дай пройти!

– Катюша, я до сих пор в Москве. Из сети слышал про помолвку твоего бывшего и сделал вывод, что ты теперь свободна... – цитирует Глеб, меняя тембр на раздражительно писклявый, а у меня в мгновение глаза вспыхивают, осознавая происходящее.

– Ах ты сволочь! Ты рылся в моих вещах! – начинаю колотить его кулаками по грудной клетке, не жалея и не сдерживаясь, пока он только ржёт надо мной, но ещё и странно шипит, когда задеваю его плечо. – Ненавижу тебя! Не смей подходить ко мне! Считаю, что шлюшка отныне умерла! – выплёвываю, а у него тут же лицо меняется. Хмурится. Злится. Тянется к моим рукам.

– Так было надо. Успокойся уже! – выдаёт он, обхватывая мои запястья своими ладонями.

– Знаешь, что, Глеб? Катись ты к чёрту! Вот тебе моё спокойствие, – вырываю руки и показываю ему два средних пальца, после чего нервно двигаюсь к выходу.

– Ведьма! – окликает он меня перед тем, как выхожу. – Никому не верь только. Вообще никому.

Морщусь. Что ещё за чушь бандитская?! Пусть идёт в жопу!

Глеб перехватывает меня, отторгая от двери. Что-то высматривает, а потом придаёт ускорение в спину, выталкивая меня прочь оттуда.

– На выход иди. Живо!

И я слушаюсь. Выхожу в расстроенных чувствах. Сердце стучит так, будто сейчас израсходует все свои ресурсы и просто перестанет заводиться. Выбредая на улицу, а уже там понимаю, что все разбежались. Здание оцепляет полиция, думаю, что встречу Глеба, выходящего следом, но его нигде нет.

Вижу Кира и Соню и следую к ним.

– Господи, Катя! Слава Богу, всё в порядке, как ты?! – истерично выдаёт она, вцепившись в мою руку. Уже по инерции отдёргиваю её обратно. Потому что выработалась привычка из-за одного наглого засранца.

– Извини, Сонечка... Всё нормально. Испугалась просто. Привет, Кир, – здороваюсь, и он кивает в ответ, указывая на свою тачку.

– Подвезу вас до общаги. Не оставайтесь здесь, – цедит Кир, постоянно поглядывая на свой телефон. – Поехали.

Пока едем, я всё время смотрю в зеркало и сталкиваюсь с ним взглядами.

– Что там произошло? – спрашиваю сдавлено, а он молчит.

– Я видела только последствия... Как все начали разбегаться, – твердит Соня за него.

– Мне надо будет отъехать. Дождись меня, я потом вернусь. Наберу тебе, – сообщает Кир, когда довозит нас до крыльца общежития. – Сидите там сейчас.

– Хорошо... Всё нормально? – настороженно переспрашивает подруга.

– Да, – отвечает Кир, и мы выходим из его машины, следуя к крыльцу.

Некоторые ребята вернулись так же, как и мы раньше положенного. Все шумят, что-то обсуждают. Кто-то говорит, что видел там кровь. Неужели кого-то всё же задело??? Какой ужас.

Вспоминаю слова Глеба и не по себе становится.

Почему он вообще решился со мной поговорить? Зачем рылся в моих вещах? Когда успел побывать в нашей комнате?

Столько вопросов и ни одного ответа.

Надеюсь, он не в курсе моей беременности. Надеюсь, я уеду и забуду всё, как страшный сон.

Только вот... Когда вспоминаю прикосновения его широких тёплых ладоней. Контакта с его кожей. Трения своих ягодич о его...

Тут же чувствую изменения в своём теле. Соски возбуждены, хочется поласкать себя. В последний месяц я веду себя странно. Сильно истосковалась по его теплу. Мне не хватает секса с ним. И, видимо, гормоны тоже что-то творят со мной. Играют злые шутки. Потому что тело реагирует даже на его взгляд, на дыхание, на сердцебиение... Хотя после того, что он сказал и того поступка с пистолетом я не понимаю, как всё ещё могу хотеть его... Как могу думать о нём как о мужчине? Он ведь вообще не уважает мои чувства... Ведёт себя так, словно я какая-то жалкая игрушка для него. Будто он никогда и ничего ко мне по-настоящему не испытывал...

Когда дохожу до своей кровати невольно осматриваюсь. Что ещё он успел здесь разглядеть? Только записку и серьги... Остальные же вещи на тот момент я не успела разложить. Всё было в моей дорожной сумке.

– Кир за тебя испугался... – твержу себе под нос, а Соня вздыхает.

– Думаю, что кое-кто тоже за тебя сильно испугался... Просто не показывает этого.

– Ага, брось. Он скорее испугался за то, что сегодня не удастся потрахаться. Ты ведь его слышала! – хмурюсь, переодеваясь. Соня тоже решает снять платье. А я не хочу выдвигать вслух теорию о том, что выстрелы совершил сам Глеб... Мало ли что?

Я не хочу думать о нём так плохо...

Но именно так и думаю...

– Да уж... Ну и вечер...

– И не говори... Но горошинка сегодня спокойна. Надеюсь, так будет и дальше. Не хочу больше нервничать.

– Я тоже не хочу, чтобы ты нервничала... – поддерживает меня подруга. – Тем более, что он сто процентов не прав, Кать! Что бы ни случилось между вами, ты – хороший человек! Замечательный! Я точно это знаю.

Сонька обнимает меня, а у меня по щекам льются слёзы.

Мне точно нужно всё это перешагнуть...

Потому что всё это...

БОЛЬНО.

Думать о нём. Постоянно прокручивать в голове обрывки фраз. Ощущать в крови ядовитые стуски его влияния. Нет, не так. Его сумасшедшего непостижимого и дурманящего рас-судок влияния.

Как впасть в зависимое состояние. Это самая настоящая Ад-аддикция...

Не знаю, где я так согрешила, что вляпалась в настолько деструктивные отношения. Меня по нему мажет. А реальность такова, что уже размазывает. Стоит разорвать наш контакт и все грани моей души как по щелчку пальца становятся неважными. Серыми. Замызганными. Не так ли действует дурь?

С ней тебе хорошо, а без неё хреново. Ты ищешь любые способы продолжить удовольствие, только не замечаешь, как медленно и умело она разрушает тебя изнутри.

Это уже какая-то мания...

Когда Соня убегает к Киру, я остаюсь в комнате и сверлю потолок покрасневшими глазами, прокручивая в голове весь сегодняшний день.

Так много эмоций, да ещё и таких странных.

Сердце отбивает странный ритм. То бьётся в агонии, то замирает на совсем.

Но все эти минуты в одиночестве я улавливаю в его движениях то самое имя. Разве может чужое имя пульсировать в висках, отстукивать в сердце? Может переливаться в крови? Искушать так, что впору забыть весь алфавит, кроме этих четырех букв?

Он ведь месяц не общался со мной, не видел меня. Не писал, не звонил, а тут решил наконец заговорить? Особенно после того, как наговорил Паше гадости обо мне. Супер странные выкрутасы Глеба Адова снова начинают паразитировать на мне. Иногда я и вовсе не могу понять его мотивов. Его настроя и поступков.

Он же женится! Сегодня вроде давал какое-то интервью... Или же он отменил помолвку? Вдруг он пришёл, чтобы сообщить мне это???

Возможно, это видео уже появилось в сети? Что если я... Посмотрю? Только одним глазком... Никто ведь не узнает...

А надежда умирает последней, верно? Я могу дать ещё один шанс?

Шанс на правду?

Буквально сразу нахожу эту запись. И снова в груди всё рвёт и мечет. Меня болтает, как флюгер на ветру, стоит только увидеть начало...

Он.

Такой красивый и сильный.

От него веет этой силой, мужественностью и сталью.

Он будто весь сделан из этого металла. Несгибаемый и твёрдый. Со своей шикарной двухдневной щетиной, приятным голосом и идеально поставленной чистой речью. И конечно же бесами в глазах.

А рядом...

Не я, нет конечно, не я...

Рядом Беата Домбровская. Которая вцепилась в его руку, словно клещ, улыбается и вторит каждому его слову. И снова заглядывает в рот и липнет, будто назойливый комар. Ненавижу!

«— То есть, холдинги вскоре неизбежно сольются воедино, я правильно понимаю? И Вы станете непосредственным руководителем сети «Бриллиант Дуо»?»

— Вы всё верно поняли. Отец снимает с себя полномочия по управлению, но по-прежнему будет являться держателем равной доли контрольного пакета акций образовавшейся в результате слияния компании. Так же, как и Вацлав Борисович, я, мой брат и моя будущая супруга Беата Вацлавовна.

— Да, родной, — улыбается девушка во все свои тридцать два белоснежных идеальных зуба. А я мечтаю выбить все до единого!

— Значит, никаких разногласий? Всё по-честному? — улыбается девушка-журналист.

— Конечно... Разве в семье Адовых когда-то было по-другому? — презрительно молвит Глеб. Что-то в его голосе кажется мне насмешливым и словно издевающимся. — У нас ведь безусловное понимание. Уважение и принятие.

— Да и в семье Домбровских. Мы все уважаем друг друга. Идеальный союз и в бизнесе, и в жизни, — подхватывает Беата, положив голову ему на плечо.

— Что ж... Когда мы поговорили об официальной части, можно переключиться и на новости о торжестве, — продолжает девушка. — Где будет проходить свадебная церемония?...».

На этом мгновении уже не выдерживаю. Слезы сами застилают глаза, они ведь никогда не спрашивают. А когда пульс грохочет в висках молниями, нет сил контролировать эмоции. Даже самые неправильные.

Я тут же сбрасываю видеозапись, желая разбить телефон об стену, но замечаю, что на экране появилось одно новое уведомление.

Принять запрос на переписку.

User_The Hell: «Выйди на две минуты, надо поговорить».

Екатерина Трацкая: «Кто это?».

User_The Hell: «Догадайся».

Екатерина Трацкая: «Плевать. Я не выйду».

Быстро отключаю телефон, закутываюсь в одеяло и закрываю глаза в надежде поскорее провалиться в сон и забыть об этом...

Глава 5.

(Глеб)

– Зачем доводишь девочку? Она же ждёт этой помолвки как восьмого чуда света! А ты таскаешься! – рычит отец, вынуждая меня усмехнуться, пока я перечитываю бумаги, подготовленные для слияния целым штатом его цепных шавок.

Вообще мне насрать, что он пытается мне доказать. Насрать на его мнение, насрать на показательные нравоучения, на его неожиданно выродившееся из задницы чувство морали, блядь.

– Отдам юристу, если ты не против, – цежу я, пока он ещё сильнее зарывается. Кипит как бешенная псина. Вечно, сука, недоволен. Вечно зол. Любитель загнать всех в свои стандарты.

Хуй тебе на блюде, папуля.

– Не доверяешь? Совсем уже нюх потерял?!

– Доверяй, но проверяй. Слышал такое? – уточняю, делая фотографии, и пересылаю их своему человеку. – А насчёт девчонки. Я нихуя не обещал. Буду трахать кого захочу и когда захочу. В брачном договоре нет такого пунктика. Это понятно?

– Глеб, ты – придурок, – дополняет отец, на что я просто жму плечами.

Насрать даже на то, что он обо мне думает.

Этот придурок тебе ещё покажет. Землю жрать заставит. Будешь на нарах слёзно баланду вымаливать взамен на послушание.

– Лан. Придурок ушёл. Дела, – небрежно кидаю вскользь, а сам покидаю отчий дом, направившись в свою обитель. Мне нужно время, чтобы побыть одному. Чтобы подумать.

Справиться, мать его, с ебучей паранойей, что ведьма никогда не простит меня. Никогда не будет моей. Что я оборвал всё настолько, что больше не смогу возобновить.

А пока... Я скучаю. Я пиздец как скучаю и схожу с ума, когда сплю без неё в своей постели. И не помогает нихуя. С самого первого вечера не помогало. Ни сигареты, ни скорость, ни алкашка.

Каждый день я вспоминаю тот роковой вечер. Каждый день мне снятся те же кошмары, только теперь рядом с Линой лежит и моя Катя... А я просто, сука, умираю сам, когда держу её бездыханное тело на своих руках. Это больше, чем я смогу вытерпеть.

Это самое страшное, что может произойти...

После её ухода, я начал думать. Надо было раньше, нахуй. Надо было, но как?! Если мной всегда управляли эмоции. Если даже Рус поверил этому мудозвону, которого назвать отец язык не поворачивается.

Я копал, я узнавал, сопоставлял. По Катиным поступкам, поведению, отношению к себе осознавал, что её просто втянули в то, что она так и не поняла. А я, как придурок, повёлся, потому что так и не верил до конца, что мне могло так повезти с девушкой. Что она тоже любит меня, как люблю её я.

Что у нас с ней одно сердце на двоих и это не мои чёртовы выдумки, не паранойя. Это правда.

Она любит. Она меня любит.

Что я знал точно, так это то, что должен уберечь её от своей семьи. И когда услышал, что она улетела во Владивосток, меня одолело двоякое чувство. Облегчение и безумная щемящая тоска... Я знал, что не увижу её достаточно долгое время, но так было безопаснее для нас с ней.

Рядом я мог и не сдержаться. Найти, прижать и не отпустить... Это было бы весьма глупо. Вот так запороть то, что начал. А начал я в тот самый момент то, что называется разведкой, после которой последовали бы полномасштабные военные действия.

Раз уж в игру вмешался Сокол всё было более, чем серьёзно. Отец ведь запланировал всё не просто так. Он решил подставить всех в этой цепочке и выйти победителем.

После слияния двух холдингов, мы должны разделить пакет акций, а Фил нужен для контроля рынка. Он нужен для того, чтобы слить ему всё, в случае, если Домбровские дадут заднюю, решат хоть как-то опрокинуть отца. И он подстраховался не просто в части клиентских баз и поставщиков, а вдобавок собрался выкупить у заносчивого пацана часть акций, которые будут оформлены на его чёртову бабку, имя которой так или иначе всё время всплывает у меня перед глазами. А с контрольным пакетом в связке со мной и Русом отец сможет сделать с образовавшимся холдингом всё, что захочет, в частности воплотить в жизнь империю, созданную вкуче с Филом, а точнее его монополией на Европейском рынке после слива Домбровских. И дело не в том, что мне жаль их семейку, естественно, нет. Плевать я на них хотел.

Я понял, что Катя говорила тогда правду. Пусть ей сообщил об этом сам Фил. Они ведь всегда бодались как два придурка. Но я долго думал, почему мы с отцом оказались на месте аварии раньше скорой. Узнали, блядь, обо всём первыми. Успели спасти Руса, но не успели спасти Лину и ребёнка, так как удар пришёлся аккурат на пассажирскую сторону автомобиля. А потом и всратый брачный договор, который я буквально клещами вынул из лап отцовского главного юриста. Пришлось угрожать его семье. Пришлось включить самого что ни на есть отбитого мудня, чтобы завладеть нужной информацией.

Зато правда, которая мне предстала, была страшнее тех кошмаров, что снились мне каждую ночь. Всё было спланировано заранее. Василиса Вуйчик и Руслан Адов должны были пожениться. Объединить два направления (российское и польское) и образовать союз для выхода на весь Европейский рынок. Никакая отцовская сделка в день аварии Руса и так бы не состоялась. Отца там не было. Он и не планировал действовать через мелких рыбёшек, он сразу хотел заманить акулу на берег и проткнуть её гарпуном. Так же, как и в день, когда мой клуб сгорел. Люди отца и Фила следили за нами. Они видели, что мы сблизились в тот вечер. Видели, что происходило между нами в машине. Поэтому была выбрана именно эта ночь для посягательства. Отец наебал меня в очередной раз. Так ловко и грамотно обернул моё внимание совсем в другую сторону, а главного я так и не заметил.

Расчёт был на то, что Катя окажется глупее и слабее, чем она есть. Что она испугается и свалит, едва установив тот сраный жучок. Но когда отец узнал, что мы до сих пор вместе, они просто решили слить её иначе. Раскрыть передо мной карты о её причастности к слежке и сговоре с Филом. И я поверил, и Рус... И мама... Все мы всегда были для отца пешками на шахматной доске... Только вот на этот раз что-то не дало мне разыгрывать партию так, как он того хотел. Я собирался действовать иначе. Сломать всё, что он создал изнутри.

Оставалось одно – я не знал, как рассказать обо всём Русу. Как уведомить его о том, что его родной, блядь, сука... Отец! Убил его любимую женщину и сына в сговоре с тем выблядком!

А ещё, откуда не возьмись взявшийся Паша, с хреновой кучей бабла. Странно? Слишком, блядь, странно. Настолько, что у меня скрипели зубы, стоило его вспомнить.

Бесспорно, Катя – видная девочка, бесспорно, она охуенная. НО.

Откуда вдруг взялся такой новообразовавшийся жених? Раньше ни сном, ни духом... А тут, на тебе... Готовый принц на белом коне... Я уже достаточно хапнул, не хотелось снова ходить в дебилах.

Начал копать и под него. Выяснил, что разбогател он внезапно за месяц до нашего расставания... Разбогател странным образом. Сказочным переводом, свалившимся на него с небес с оффшорного счёта его предводителя.

Это был удар ножом в спину.

Папочка играл по грязному.

И вот...

В двадцатых числах декабря...

Она вернулась.

За месяц отсутствия в её соц. сетях не было ни одной новой записи... Зато я как малолетний щенок наблюдал за её братом, черпая какие-то жалкие обрывки с её смехом или голосом. Даже они заставляли меня трепетать. Давали хоть какое-то секундное расслабление, а потом боль от её потери накатывала с новой силой.

Не знаю, было ли это возмездием за мой ебучий поступок.

Наверное, да.

Поскольку я вёл себя как последний кретин.

Грубо, не по-мужски, несдержанно. А потом дико ужасно жалел.

Проснувшись на полу в унылом одиночестве, вспоминал как после её ухода катался по кабинету в агонии, запивая боль жгучим пойлом, пока вовсе не отрубился. Я, хоть и сразу знал, что магазин пустой и патронник тоже, но напугал её до усрачки... А это определенно не было целью, которую я преследовал. Я вообще не знаю, какой была цель.

Мне бы хотелось, чтобы внутри пули всё-таки были... Я фантазировал об этом в тот самый момент.

Чтобы мы оба оказались по ту сторону... Чтобы пропали те раздражающие чувства, которые поглощали меня изнутри.

Это была боль и потеря контроля над собой и своими эмоциями. Настолько сильная, что я реально мечтал умереть.

Затем отцовское фальшивое утешение... Беата под его крылом, которая всё не унималась.

«Я сделаю всё, что захочешь... Я влюблена в тебя уже три года, впервые как мне показали твоё фото».

Как можно, блядь, влюбиться по фото? Ты ебанутая?

Чем больше я её узнавал, тем сильнее она меня раздражала. Всё время вилась рядом. Постоянно лезла. Приходилось искать разные отговорки о занятости, да даже о употреблении наркотиков и как следствие – пол шестого рядом с ней. А изобразить это было как нехуй делать. Потому что у меня на неё не стоял. От слова – совсем.

Да что там... С тех пор, как встретил ведьму, у меня вообще ни на кого не стоял, кроме неё. Не знаю уж, что конкретно она со мной сделала... Чем опоила или что подмешала... Но факт оставался фактом.

Хрен знает для чего я был ей тогда нужен? Для красивой картинки? Она целовала меня, а мне было тошно. Ждала свадьбы, как ненормальная. Всё время болтала об этом без умолку, а я поддакивал. Наверное, она думала, что после церемонии всё изменится, и я вдруг неожиданно проявлю инициативу? Или же просто следовала плану отца. Хер просыт этих Домбровских. Я уже никому на тот момент не доверял...

«Глеб, у тебя точно всё хорошо? Катина комната... Выглядит иначе», - сообщение, поступившее от Анны в один из вечеров после исчезновения ведьмы...

Конечно, она выглядела иначе. Я ведь все последующие ночи только и делал, что катался по её кровати, вдыхая запах тела. Разрушал всё, что видел... Что напоминало... Ломал мебель, вещи... Задыхался.

Не просто тосковал. Сходил с ума, будто при героиновой ломке.

Ни слезть не мог, ни торкнуться.

Она же забрала с собой дозу моей эйфории.

Мне оставалось только вспоминать.

А что мне давал слабый запах постельного белья...

Отрывки...

«Я счастлива... Мой огненный... Любимый».

Как плетью по сердцу. Как босиком по раскаленному железу. Как вниз с обрыва головой.

Вдребезги. Уничтожил. Всё. Что. Было...

Поэтому, увидев её после прилёта, я пиздец как растерялся. Всё внутри жгло, будто добавили керосина...

Она смотрела на меня в коридоре универа... Своими ядовитыми зелёными глазами. И визуально я держался как камень. Физически же – тонул прямо на месте. Будто вообще все механизмы отказали. Мне казалось, что с трудом могу перебирать ноги, но на удивление, я справился – прошёл мимо, будто и не знакомы вовсе.

Не смотреть в глаза! Не смотреть! Не смотреть, блядь, Глеб, мать твою!

Уговаривал себя, как мог. Запрещал. Агрессивно стискивал кулаки лишь бы не поймать её зелёные своими. Иначе бы сдох прямо там. Выдохнул только, когда она прошла дальше. Ощущал, что между нами всё ещё есть та самая связь. Она есть... Я её, блин, нутром чувствовал. В ладони зажимал, пока шёл. Каждый миллиметр души плакал в то самое мгновение, потому что я не мог к ней прикоснуться.

Ненавидел себя за всё, что наговорил. Ненавидел и презирал.

Но знал, что вся игра вокруг нас только начинается.

Все углы были сбиты. Нас закручивали в смертельную воронку, только я, упорно сопротивляясь, бежал в другую сторону. Создавал ответную тягу. Пытался выказать противостояние, даже если получалось так же грязно, как и у моего недобати.

Только поэтому я предложил триста штук тому Паше взамен на ту дичь, что ему сказал.

Тогда, в том ресторане «Дьюри» я сразу понял, почему они с Катей неожиданно появились там вместе. Именно в тот день, когда там были мы с Беатой и моим так называемым отцом.

Он наблюдал за нами. Наблюдал и хотел видеть, что я так же зол на неё и ненавижу, ведь ему доложили сразу, как только она вернулась. Я предложил этому хуесосу ровно то, что хотел бы услышать отец. Сделал это через вину перед ней и гнев, которые ощущал к ним всем. Знал, что он передаст эти слова. Был уверен. А на той вечеринке лишь убедился в этом.

В её глазах была одна боль. А я держался как мог, чтобы только не сорваться. Чтобы не сломаться перед ней, ведь я любил. Любил, люблю и буду любить, даже если придётся отдать за неё свою жизнь. Даже если я проиграю, её я не подведу.

Но эмоции пострашнее физических увечий. Видеть её с другим, наблюдать их мерзостный слюнообмен – похлеще самого острого в мире клинка. И я бы хотел сдохнуть в тот момент, уверен, что она подумала, что это я вытворил ту хрень с приездом полиции. Только вот... Все мои ревностные эмоции в тот момент резко сменились страхом за её жизнь.

Сразу после того, как раздался первый выстрел, я вдруг осознал, что причиной этому всему являюсь я. Потому что видел человека в чёрном, который это делал. Не знаю, могло ли это быть с подачи отца... Могло ли? Я уже ничему бы не удивился. Но, успев сдвинуться, вторая чудом пролетела по касательной, а вот третья... Третья пробила плечо и вышла навывлет. Артерию не задела, чему я был уже несказанно рад, но должен был успеть спрятать ведьму до прибытия полиции, пока вокруг происходила суматоха. Поэтому быстро набрал сообщение Киру и, ухватив Катю за плечо, затолкал в какую-то комнату возле выхода.

Естественно, мне хотелось прижать её к себе. Кинуться в ноги, как верному псу. Сказать, что я никого и никогда, кроме неё, но я, блядь, не мог. Мы не могли быть вместе. Просто не могли. Это было опасно... Пока я не смог бы во всём разобраться. Особенно после того, как она попала в больницу... Я будто знал, что из-за меня, но до конца не мог осознать причину. Просто ссал её осознавать... Наверное, если бы это оказалось правдой, я бы ебанул её прямо на месте и пристрелил себя сам... Только потому что допустил всё это... Что она слушала всё, что я ей наговорил... Что она переживала это, будучи... Будучи... Даже не могу произнести этого в своей голове...

Кир был в курсе всего. Вообще всего. Только с ним я мог поделиться. Только с ним. И я точно знал, что он никогда не расскажет что-то даже Соне. Ведь это Кир.

Он приехал ко мне сразу же после того, как довёз девчонок. Я же уже успел выйти через чёрный ход и спрятаться в каком-то дворе. Из плеча хуярила кровь, это было хреново, потому что остановить кровотечение я не мог, ведь аптечка находилась в моей тачке, а там повсюду была полиция. Но и вызывать скорую было бы критически неправильно. В первую очередь потому, как быстро распространяются слухи. А значит, всё дошло бы до ведьмы. Я не мог этого допустить.

Благо Кир вернулся молниеносно и уже у него в тачке мы устранили последствия. Он дал мне какие-то шмотки, чтобы я переоделся и сам обрабатывал мне рану. Было больно, разумеется. Тут на помощь подкатили и уколы трамадола. От него меня всегда не по-детски штырило, но зато при любых ранениях спасти меня мог только он. Чтобы функционировал. Чтобы мог двигаться. Чтобы дышал и делал вид, что ничего не произошло. Не первый ведь раз был в подобной жопе. Ой, не в первый.

– Глеб, ты должен её предупредить. Это, нахрен, трэш какой-то, – ворчит Кир, закрывая багажник. – Я чуть за Соню не пересрался.

– Не могу... Я не могу её так подставить. Если расскажу, если дам понять, что всё знаю, она с ума будет сходить. Я буду, Кир! Мы физически не сможем быть порознь... А это, нахер, опасно. Сам знаешь!

– Бля... Глеб... Можно как-то иначе. Предупреди, что опасаясь за её жизнь. Пусть сваливает отсюда. Хотя бы так. Расчухайся тогда уж в хлам с ней. Соня с ума сойдет, если с Катюхой что-то случится.

– Думаешь, я, блядь, нет?! – выкрикиваю в бешенстве. – Меня, нахуй, окружают одни шакалы. Я только тебе, блядь, могу верить! Только тебе могу! Пока решается вопрос с отцом и компанией у меня руки связаны, ты знаешь. А когда Катюха рядом я, блядь, себя не контролирую, не то что ситуацию. Мозги, сука, уже плывут от всего этого дерьма. А ещё... Сука, ещё...

– Что?

– Не знаю, блядь... Не знаю. Ощущаю, что с ней что-то происходит. Это долбоебизм какой-то, но... В общем, мы как-то не предохранялись. А потом у неё вроде как начались месячные, она прям выдохнула. Дальше лежала в больнице, я ведь знал это... Приплатил врачу. А спрашивать боялся. Вообще ссыковал рот открыт даже. Пока он не ляпнул...

– Ляпнул...? Ну продолжай, блядь, уже, Глеб!

– Вы – отец, спросил так ехидно, что у меня кишки все скрутило. Я как стоял там без лица, так и ушел оттуда. Если и предположить, что она вдруг беременна... Тогда не от меня что ли? Да ну нахуй, бред. Я вообще не знаю, что и думать... Что говорить, что делать... Я пиздец за неё боюсь, особенно в этой ситуации, когда временно не могу её защитить. Могу только делать вид, что ебу всё, что движется, лишь бы не касаться этой ёбанной тупорылой Домбровской подстилки.

– Не от тебя... А от кого, блядь, – ржёт Кир, глядя на меня, как на дебила. Наверное, я - он и есть. С кем могла ещё спать моя ведьма? Да ни с кем, блядь... Я уверен в этом на все сто процентов. Просто может не так что-то понял от врача. – Увози её, Глеб. Тем более, увози. Срать на универ. Срать на всё. Просто увози. Кароч... – он залезает в бардачок и достаёт оттуда ключи. – В Питере у меня дом, помнишь? Пусть тусит там. Никто не найдет. Оформлен на подругу сестры. Вообще хер кто докопается. У бати когда проблемы с бизнесом были, он дохера таких нычек сделал. Оформлял имущество на всех подряд. Увози, Глеб. От греха подальше. Там и выясните отношения. Поговорите и вернётесь. Бате скажи, что со мной будешь. Я могу на твоей тачке доехать до своего дома. Всё норм. Пацана какого-нибудь найдём за тебя. Ночью никто ничего и не поймет, нахуй.

В его словах есть смысл. Есть логика. Есть правда.

Как и всегда, только Кир может так быстро вправить мне мозги на место.

Поэтому и только поэтому я приобретаю два новых телефона и подставные симки, регистрируюсь в соц. сети под левым аккаунтом и пишу ведьме сообщение, получая в ответ грозное и грубое: «Плевать. Я не выйду»...

– &*;%?;_&»!»!:%_&&>»&+;«?!? Сука!!!!

Вот, что при этом чувствую, но выхода нет. Придётся действовать более нагло, как и всегда...

Глава 6.

Через пятнадцать минут слышу стук в окно и вздрагиваю от напряжения. Кое-как собираюсь с силами, чтобы подойти туда, но на всякий случай прихватываю ножницы.

Застываю, когда вижу за стеклом Глеба.

Ума не приложу как можно сюда забраться. Там из всех выступов только мелкие выпирающие кирпичики и больше ничего. Убиться ведь можно! У нас третий этаж!

Что, блин, вообще происходит???

Этого не может быть... Нет... Мне это снится!

– Ты с ума сошел?! – открываю створку, запуская его внутрь. – Как ты... Забрался сюда?! И зачем, блин!

Он смотрит на ножницы, сжатые у меня в руке и, кажется, ликует от радости, будто выиграл в лотерею.

– Надо поговорить, ещё раз повторяю для особо непонятливых, – грубит он, спрыгивая с подоконника. Видок у него странный. Глаза как пьяные. Я ведь уже видела его таким... Но алкоголем вроде как не пахнет. Интересно.

– Ты что... Бухой? – спрашиваю, ошетинившись.

– Ага, от тебя, – язвит в ответ.

– Я серьезно, Адов. Мне не до шуток.

– Мне тоже, Катя, мне тоже. Давай так, – он достает из-под кровати мою спортивную сумку и начинает без разбора заталкивать туда мои вещи, будто ему кто-то давал на это право.

– Что, блин, ты творишь?! Оставь мою одежду в покое! – истерически выплевываю я, хватая его за плечи, и тут он резко шипит, закрыв глаза, будто от болезненной вспышки. Вряд ли это можно с чем-то перепутать, а потому догадки сами лезут в мою светлую голову.

– Что это? Что с тобой?!

Начинаю ощупывать его, но он дёргается, не позволяя, пока мне не удастся сдёрнуть с него зимний бомбер. – Глеб... Что это?! Господи!!!

– Не терпится, ведьма? Давай по-быстрому, раз уж начала, – улыбается он, обхватив меня за талию своими цепкими ручищами.

Скачок. Импульс. Ток по венам.

И я дышать перестаю в его объятиях.

Смотрю на него глазами, полными паники, а точнее, на кровавое пятно, разрастающееся на его плече, будто какие-то швы разошлись, не иначе... И впадаю в ступор.

Не понимаю, во что он ввязался, да ещё и шутит, как придурок, а у самого в глазах сплошная боль.

– Что здесь происходит?! Глеб?! Что с твоим плечом?!

– Закровоточило от твоих царапок, тигрица, – добавляет он очередное, а мне хочется его ударить за такие вот выкрутасы. Учítывая, что всё серьезно, а он снова переводит всё в глупые инсинуации.

– Хватит издеваться!

– Кать. Надо сваливать. Собирай вещи. По-быстрому. Так надо, – тембр становится более серьезным, но я не собираюсь его слушать.

Нет уж. Мне хватило. Хватит!

– Я не собираюсь никуда сваливать. Что ты себе вообще позволяешь?! Ты исчез из моей жизни. Женишься! Так и вперед! Что ты до меня докопался!? – доходит до какой-то истерики в голосе. Сама себя не узнаю, мне кажется, что он реально сделал меня каким-то шизофреником.

– Может потому что ты носишь моего ребенка?! – выпаливает он как на духу, а я пытаюсь хапать воздух ртом, но перестаю шевелиться.

Какого хрена?!

Он этого не говорил... Не говорил... Сказал???

Всё внутри умирает.

Слышать это не так уж и здорово.

Я не хочу, чтобы он знал. Чтобы претендовал. А потом в его башку снова стрельнёт что-нибудь, и он вообще заберет моего малыша! Уж он точно может! Ну уж нет.

Какого вообще черта? Как он узнал??? Берёт меня на понт? Снова издевается? Соня ведь не могла ему сказать... Не могла! Обещала!

– Прекрати. Нет никакого ребёнка, что ты удумал?!

Его лицо резко меняется. Появляется хитрый прищур, говорящий о том, что ему моя ложь по барабану, он и так всё давно знает.

– Да неужели?! И таблетки от токсикоза – херня и твоё пребывание в больнице и даже этот грёбаный олень, верно?! – он достает из тумбочки мягкую грелку и сжимает её в руке так сильно, что сейчас оторвёт ему голову.

– Да, так и есть. И это вообще не твоего ума дело! – дёргаю его за руку, отбирая игрушку.
– Не хватай его так!

– Ты нарочно меня изводишь, верно? – спрашивает, словно он – белый пушистый зайка, а я какой-то монстр. Вот приехали, Адов...

Бедненький измученный страдалец. Что сказать?

Не повезло тебе с бывшей. Одни упреки на ровном месте!

– Что ты... Как можно?! Разве такой замечательный человек, как ты, заслужил?! – саркастически выдаю, но всё ещё нахожусь в пограничном состоянии. Вроде и хочется просто смеяться в истерике, а вроде и реветь, как сумасшедшей.

– Отлично... Ведьма, я был в той больнице и лично говорил с врачом. Всё ещё хочешь меня наебать?! – добавляет разъярённо и при этом сжимает кулаки, будто реально хочет меня ударить, а тем временем пятно на футболке становится всё больше и больше.

– Ладно. Ребёнок есть, но он не от тебя, ясно?!

Хрен знает, зачем так говорю. Просто мне страшно за то, что он узнает правду. Я его боюсь. Его реакции и поведения. Он вообще бывает неадекватным в принятии своих решений. Порой кажется, что общаешься с человеком, а в следующую секунду видишь перед собой чудовище.

Вот сейчас его лицо становится именно таким... Чудовищно озлобленным. Кажется, ему больно это слышать. Да и я хороша говорить такое... Дура, блин.

– Ммм... А от кого? – тянет он, вскинув вверх брови.

– От Паши! – бросаю, не думая ни секунды. А что я ещё могу сочинить? Врать так более-менее убедительно.

Бля. Звучит в моей голове, пока не слышу из его уст ровно такое же:

– Бля.

– Всё. Узнал? Доволен? Теперь вали, – продолжаю, разворачиваясь, но он не унимается, схватив меня за запястье.

– Ты меня совсем за идиота что ли держишь? Какой, нахуй, Паша? Тебя от поцелуя-то с ним чуть не вырвало, а еще и трахаться с ним. Мне от одной мысли тошно.

Вот ведь козел, а!

Неужели по мне всё было так очевидно понятно?!

Что же подумал бедный Паша???

– Тебе тошно, а мне очень даже приятно!

Здесь я, наверное, перегибаю, потому как Глеб резко обхватывает меня за талию, и мы заваливаемся на кровать, оказавшись буквально прилипшими друг к другу.

Я под ним. Боже, боже, божже!

Сердце ведёт себя как контуженное.

Я оглушена, дезориентирована и безумна. А он дышит, как сумасшедший, придавливая меня к постели. Ощущаю его запах и всё внутри плачет, грохочет, конфузится.

Вернуться бы в прошлое. Хоть на одну секунду...

Разгореться с ним до яркого синего пламени! Сжечь всю комнату своей любовью, а возможно, и всё общежитие!

Он уже испачкал меня своей кровью. А мне всё равно, лишь бы ощущать его тепло.

Вот так. Рядом. Вплотную. Как при лобовом столкновении.

Горячее дыхание касается губ. Ощущаю его между своих ног и буквально таю на своей кровати, превращаясь в безвольную лужицу.

Сколько раз я его здесь представляла? Вот сколько? Бесконечное количество.

Именно так... Сверху. На мне. Берущего. Вонзающегося. Наглого. Бесцеремонного. Вторгающегося.

В моё тело... Только в моё и ни в чьё больше...

Боже, да я бы убила за это...

Но...

– Глеб, только прикоснись. Я откушу тебе нос. Клянусь, – угрожаю, а сама просто боюсь повторения этой истории.

Трясусь под ним, ощущая, как сильно каждая клетка тянется к его телу. Как бесконечно нуждается в нём.

Как же хочется, чтобы сейчас на голову упал метеорит и не пришлось бы мучиться от сомнительных разногласий тела и мозга, которые затеяли войну между собой. Да не просто войну, а бомбёжку!

Он улыбается в ответ на мои угрозы. Так искренне и по-тёплову, что я начинаю дрожать ещё сильнее.

– Блядь, как я скучал, ведьма, – Глеб вдыхает мой запах, а меня снова размазывает под ним.

Мажет, мажет, мажет...

Я просто становлюсь бесформенной жижей...

Не человек...Консистенция...

Зубы стучат от напряжения. От страха. От тянущего в животе чувства.

Фитиль уже подожгли, остаётся только ждать взрыва...

– Не смей говорить этого, слышишь?! – выдаю задушено и даже пискляво. С нотами обречённости в голосе.

Это уже слишком. Я ощущаю себя проклятой. Неправильной.

А демоны внутри меня давно танцуют чечётку на моих поломанных рёбрах.

– Хорошо... Но уехать всё равно придется, Кать... Я больше не трону, больше не скажу. Но ситуация достигла критической отметки, – предупреждает он с такой тревогой в голосе, что я невольно начинаю прислушиваться. Чисто на инстинктах.

– Что с твоим плечом? Нужно обработать... – шепчу, глядя на то, как он мучается. – Ты напрягаешься и... Это... Пуля, верно? Тебя тогда задело? Провожу ладонью по его лицу.

Максимум, что себе позволяю. Но даже это кажется таким интимным, что он замирает, прикрывая глаза.

– Задело, малыш.

– Дай я посмотрю, – прошу его, и он всё же слезает с меня, а я встаю следом, пододвигаясь к нему ближе.

Долго смотрим друг другу в глаза.

Коннект происходит незамедлительно.

Питаемся друг от друга...

Чувствуем. Дышим. Как два раненных зверя.

Слышу его сердцебиение.

Тук-тук-тук-тук... Тук-тук-тук-тук...

Ускоренный бешенный пульс.

Смотрю на него.

Голубые огни как никогда чисты и одичалы.

Высеченные линии подбородка привлекают всё моё внимание, пока из-за быстрого скользящего манящего движения языка ракурс не смещается чуть выше. Губы, что влекут и обезбуживают...Его приоткрытый рот...

Внутри меня что-то загорается и покалывает от самого солнечного сплетения до лобка.

Господи, так хочется его поцеловать. Так сильно, что хочется кричать!!!

Кое-как отвлекаюсь от его лица. Сдвигаю ткань футболки в сторону, касаясь пальцами его кожи. В месте ранения она горит ещё сильнее.

– Ужасно... Глеб, придется снять... И нужно выпить антибиотик.

– Да я уже понял, – отвечает он, когда я встаю и ухожу за перекисью, бинтом и таблеткой. Он морщится, стаскивая футболку через ворот, и естественно, возвращаясь, я не могу оторвать глаз уже от его тела.

Особенно, учитывая свои взбунтовавшиеся гормоны.

Ненавижу, блин!

Сейчас ведь совсем не до этого.

Не нужно пялиться на его торс. На его литые кубики и косые мышцы живота, выразительный V-образный треугольник, а ещё поросль тёмных волос, ведущих к резинке его трусов, выглядывающих из-под спущенных джинсов. Господи! Это бесчеловечно!

Он ранен! Ранен!

А ты сейчас вообще в роли медсестры...

Господи, это ещё хуже! Пиздец же как заводит!

Как же хочется провести ногтями по его загорелой коже...Въесться ими в плечи, сомкнуть пятки за его поясницей, ощутить его давление в паху, размножиться под ним на миллиарды частичек, а затем проникнуть в его душу каждой из них...

Овладеть, соединиться, стать большим...

Помоги мне, дай силы вынести это!

Сажусь к нему ближе и всё работает как по щелчку пальца. Забвение. Мне становится дурно от вида его раны.

– Целились, чтобы задеть или... ? – спрашиваю, промакивая бинт.

– Не знаю. Увернулся. Был бы профи, завалил бы, наверное, – предполагает он, изъясняясь так просто, будто мы говорим об обыденных вещах. Как за кофе в магазин сходить... – Либо лох, либо спецом так вышло.

– Сейчас будет больно... – предупреждаю, испытывая при этом чувство вины перед ним.

– Да брось, ведьма... – говорит он, улыбаясь, но стоит мне коснуться, по глазам вижу, это реально больно. И вместе с тем, он помалкивает. Но я в нём и не сомневалась.

– Ты на каких-то веществах, верно? Твои зрачки... – спрашиваю с волнением на устах.

– Обычный обезбол... – ухмыляется, будто реально считает меня душой.

Так я тебе и поверила, Глеб.

Смотрю на него с укором, но не спорю.

– Ладно, не совсем обычный... Чуть опиоидный... – улыбается, прошипев, когда я прикалываю марлевую повязку и начинаю бинтовать. – А ты не нежничаешь, да, родная?

Смотрю ему в глаза. Смотрю и злюсь.

«Родная»...

К чему всё это поведение? Эти провокационные фразы...

Скользящие, пьянящие, обнажающие взгляды, способные вытрясти из тебя всю душу... Если он прозрел, то поздно. Я вдоволь настрадалась и не желаю повторения.

– Прекращай свои выходки. Что ты там хотел?

– Увезти тебя, ведьма. За тридевять земель. Подальше от себя и своих проблем, как ты и хотела... И если уж ребёнок от Паши, то могу привезти и его туда же. Дом вам подарю, будете жить счастливо, – добавляет он следом.

– Издеваешься, да?

– Естественно. А ты как думала? Что я отдам тебя и своего ребенка какому-то додику? Ты вообще нормальная?!

– Нет, ненормальная. Видимо, поэтому всё ещё говорю с тобой! – дёргаюсь, мечтая закончить весь этот фарс. Заканчиваю бинтовать, завязываю узелок и отворачиваюсь.

– Кать... Давай. Времени мало. Ехать далеко. А придется... И спасибо.

– Нет, не придется. Никуда я не поеду. Мы не вместе, а значит со мной ничего не случится. Всё. Закрыли тему. Теперь убирайся! – твержу ему, даже не глядя на него. Он всё ещё сидит позади, пока я пытаюсь убрать оставшийся бинт в упаковку, но руки дрожат так, что ни черта не выходит.

Чувствую его дыхание позади, а затем, в одну секунду и металл вокруг своей шеи. Не успеваю понять, как на мне смыкается та самая цепочка.

– Обронила у меня дома, – твердит он шёпотом, а я хмурюсь, ощущая, что глаза начинают слезиться.

– Я не обронила, а вернула. Потому что... Потому что... Это сердце явно уже не принадлежит мне. Подари его Беате! Так будет проще всем! – выкрикиваю, чуть ли не срываясь на жалобный хрип.

– Кать... – его руки ложатся мне на плечи. – Я всё понимаю. Облажался. И мы ещё сто раз об этом поговорим, но сейчас. Позволь отвезти тебя в безопасное место, пока у нас есть время. Пойми, что ты должна временно исчезнуть. Иначе я постоянно буду отвлекаться на твою безопасность и просто проиграю...

– Проиграешь... О чём ты? Ты не женишься?! – спрашиваю, развернувшись. Смотрю ему в глаза, а повсюду боль курсирует. Не могу понять, где она сильнее. Всё время перемещается и от этого кажется невыносимей. – Скажи, что не женишься...

Господи. Как же, наверное, ужасно жалко я звучу...

Как вдруг...

– Женюсь. Кать. Всё по-прежнему, – продолжает он, а у меня вдруг в мгновение злость закипает.

Я так его ненавижу.

Зачем он пришёл? Издеваться?

Играть на чувствах?

Что ему нужно от меня?

– Тогда вали, Глеб. Я никуда с тобой не пойду, можешь хоть орать на меня, но не пойду!

– Блядь... Ведьма... Хули так сложно... Почему не слушаешь? Почему слышишь всегда не так, как нужно?!

– Потому что ты говоришь не то, что нужно! Потому что ты женишься на другой, Глеб! И если уж совсем на чистоту, я тебя отпускаю! Уходи! Мне будет без тебя лучше! Мне не нужен чужой мужик!

– Но я не чужой, блядь, ведьма. Я твой. Твой, блядь. Полностью. Я даже не спал с ней ни разу. Клянусь, – задвигает он, надрывая голос.

– Что ты несёшь?! – морщусь, слушая эту гнусную ложь. Он же не думает, что я настолько тупая?! – Я не верю тебе! Ни единому слову не верю!

– Да это правда, блядь. Я никого не трахал. Мне, нахуй, вообще не до этого. Я думаю только о тебе и о том, что узнал. Это понятно? Мне надо всё время наблюдать, выяснять, искать. Мне не до блядин, Катерина. И я говорю это не для того, чтобы ты сразу ко мне кинулась. Не дурак. Не собираюсь выпрашивать твоего расположения. Дело, блядь, вообще в другом. Дело в том, что твоя жизнь, как и моя, в опасности. Но я справлюсь, а ты – нет! А с учётом... Того, что ты... Что мы... ждём ребенка... Если это так... Это ведь так? – спрашивает чуть ли не дрожащим голосом. То ли его затрясло от сказанного, то ли стало морозить, ведь антибиотик он так и не выпил.

– Выпей таблетку, Глеб. Я не хочу отвечать на твой вопрос. Я вообще не хочу быть с тобой связанной. Чего бы это не касалось, поэтому ничего тебе не должна, – насильно протягиваю ему капсулу и воду, и он запивает её. – Моё тело – моё дело.

– Как скажешь, – цедит сквозь зубы. – Просто тащи свою задницу вниз сразу после того, как соберешь вещи. Обещаю дом тебе понравится.

– Глеб, ты оглох?!

– Нет, Катя. Это ты оглохла, блядь. Если не пойдешь сама, я потащу силой. Ты знаешь, что это правда. Я сделаю всё, чтобы вывезти тебя отсюда. Хочешь ты этого или нет. У меня в машине есть новый телефон, новая сим-карта. Ты должна оставить старые здесь. И чтобы ты понимала. Это война, ведьма. Не шутки, блядь. Не игры. Не ёбанный спектакль! Когда всё начнётся, все будут злые, как псины... Ты не представляешь на что способны эти люди.

– Потому что ты не рассказываешь! Всё как раз поэтому! Ты ни черта мне не рассказываешь! И та ссора произошла только из-за этого! – вскрикиваю и начинаю рыдать, пряча глаза за дрожащими ладонями.

Бегунок ненормальности достигает самой критической точки.

Меня шкивает, как парусник при урагане.

Всё, о чём могу думать, это то, как мы грубо расстались. Как невыносимо больно мне было. И мне нельзя вот так нервничать... Просто нельзя...

Внезапно ощущаю его мятный запах и руки, сомкнувшиеся за моей спиной.

– Давай так. Мы приедем туда, и я всё тебе расскажу. Обещаю... Навязываться... Не буду...

– Клянёшься? – спрашиваю, шмыгая носом, надеясь, что его отложит, и концентрация его аромата поднимется, замещая боль приятными волнами. Ведь так было всегда...

– Клянусь, да, ведьма, – Глеб гладит меня по спине, уткнувшись носом в мою шею, а меня от этого жеста чуть ли не выключает. Я вздрагиваю и сторонюсь, на что он испуганно отодвигается от меня. – Прости... Я больше не буду... Тебя касаться... Но ты должна собрать вещи.

– Хорошо, я соберу. Спущусь вниз через десять минут.

– Я на белом Ниссане 032. Левак. Кир прикрывает. Пожалуйста, не сбегай. Мне многое нужно до тебя донести.

– Поняла, – отвечаю и быстро выпроваживаю его за дверь.

Глава 7.

(Глеб)

Жду и нервничаю...

Думал, сожру её прямо там.

Особенно когда про Пашу своего заговорила... И про то, что ребенок от него. Пха! Надо бы ему причинное место оторвать. Чтобы даже мысли о потомстве не возникало. Такие продажные мрази не должны размножаться...

Но вместе с тем. Я думаю о нашем с ней продолжении. Оно ведь уже там, верно? В её чреве, просто она не хочет делиться... Не хочет говорить...

А мне катастрофически надо, чтобы сказала... Чтобы была честна. Ведь это реально что-то возвышенное.

Больше, чище, важнее.

Я буду ждать, когда она скажет мне. Когда признается...

Ночью попробую уломать на разговор, если вдруг начнёт противиться... Дожму...

Хочу поговорить обо всём. О том, что произошло. О том, как много она для меня значит... Как сильно мне хочется всё исправить...

И как много нам придётся пройти...

Это, вашу мать, не просто много. Это дохрена. Но вместе.

Выбора нет. Его больше нет.

Вместе и до конца. Что бы ни случилось. За руки. Вдвоём.

Когда Катя выходит, мысленно успокаиваюсь. Тишина тёмной улицы вдруг перестаёт давить на мозг гнетущими узлами. Знаю, что вот эта наша встреча небезопасна, поэтому решаюсь везти нас окольными извилистыми путями, сбив всех со следов к херам. В самой гуще леса на окраине Москвы моим человеком мне уже подготовлена ещё одна машина. Эту же я оставляю там. Никто не отследит, никто не догадается. Никто нас не найдет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.